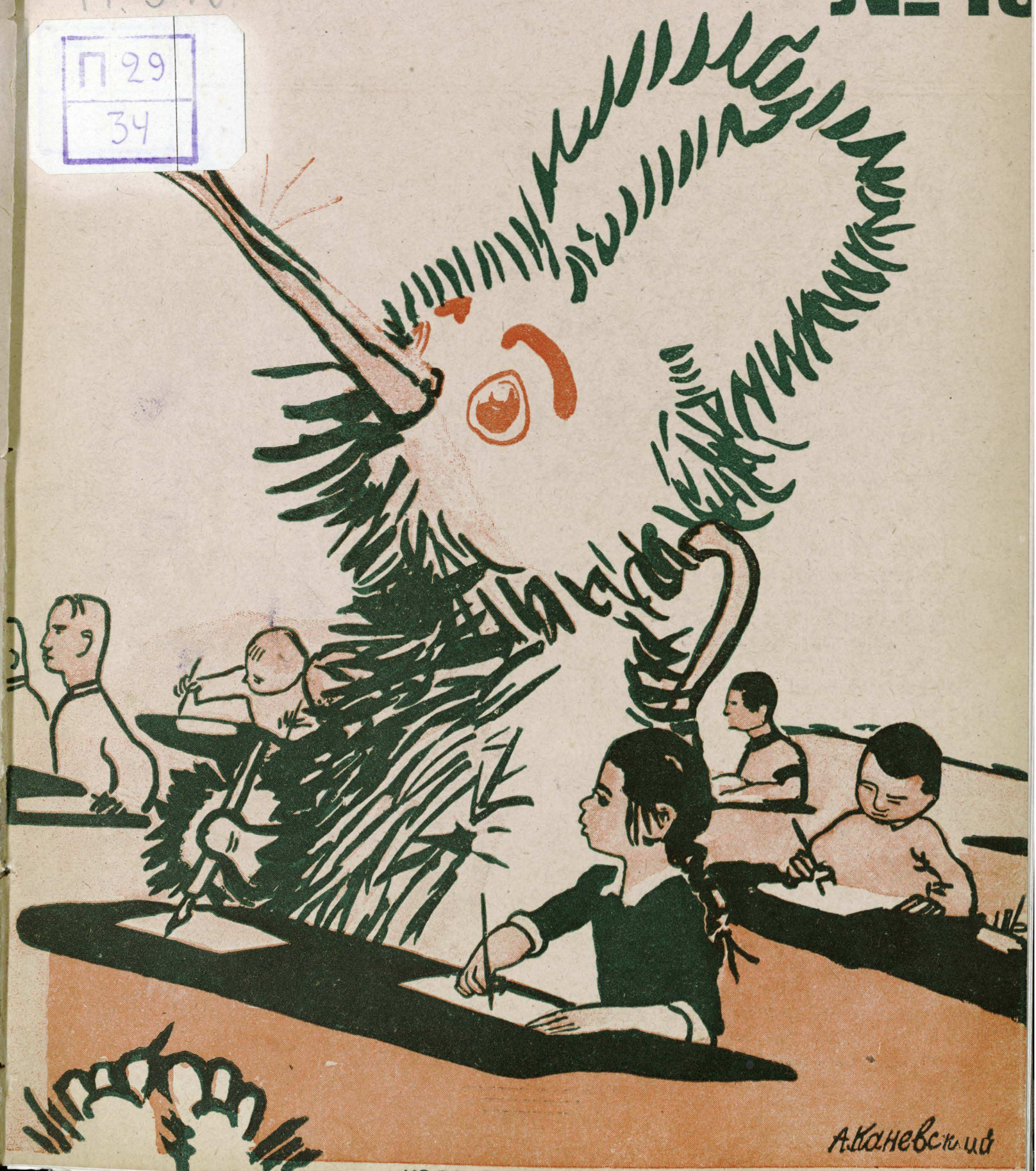
ПИОНЕР

П. 349

П 29
34

№ 19



ИЗ ВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА» 1934

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 19

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Октябрь 1934

К XIV международной детской неделе

Пионерские отряды Советского союза должны встретить Международную детскую неделю повышением своей работы за лучшую успеваемость в учебе. В отряде, звене не должно быть ни одного пионера, отстающего в учебе; надо достигнуть того, чтобы каждый пионер стал примером бережливого отношения к каждой минуте урока, учебнику, чтобы тетради пионера были образцом грамотного письма, чистоты и акуратности.

Из письма председателя ЦБ пионеров тов. Золотухина.

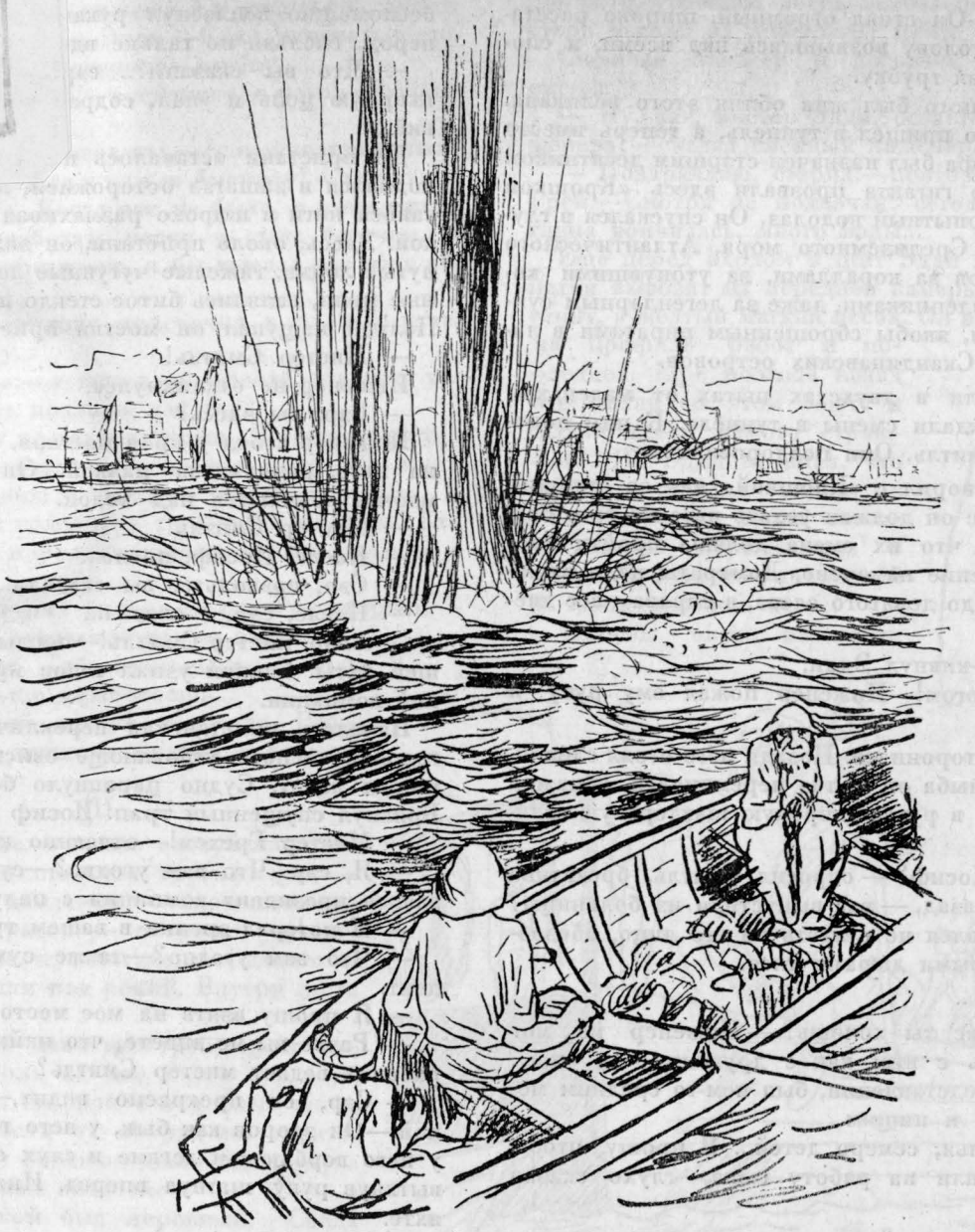
ВЕТЕР

М. Светлов

Песня гудит грозою,
Песня в сердцах забилась.
Солнце над головою,
Слушая, остановилось.
Песня гудит грозою,
Песня в сердцах забилась
Ветер знамена полощет,
Бьет пионерам навстречу...
Радуйся, Красная площадь,
Слушай трибунные речи!..
Ветер знамена полощет,
Бьет пионерам навстречу.
Толпы становятся больше...
Ветер несется на славу,
Вот он примчался к Польше,
Вот он шумит над Варшавой.
Толпы становятся больше...
Ветер несется на славу.
Над воеводской столицей
Ветер посеял панику.
Ветер навстречу мчится
Десятилетнему Янеку...
Над воеводской столицей
Ветер посеял панику.
Детскую голову подняв,
Ветер спросил беспечно:
«Янек! Ты с нами сегодня?»
Янек ответил: «Конечно».
Детскую голову подняв,
Ветер спросил беспечно.
Разгорячены лица,
Чаще сердец удары.
У пионера Фрица,
У пионерки Клары...
Разгорячены лица,
Чаще сердец удары.
Ветер сегодня, ветер
Мчится от берега к берегу.
Англия на примете,
Не избежать Америке.
Ветер сегодня, ветер
Мчится от берега к берегу.
Выше вздымая плакаты,
Ветер сказал по-французски.
«Привет дорогим ребятам
От пионеров русских!»
Выше вздымая плакаты,
Ветер сказал по-французски.
Старому миру в уши
Ветер гудит сильнее:
«Маленький Сами! Слушай!
Стань пионером скорее!..»
Старому миру в уши
Ветер гудит сильнее.
Мы пионерским маршем
Славим ряды стальные.
Слушайте те, кто старше,
Слушайте, молодые!
Мы пионерским маршем
Славим ряды стальные.
Ветер знамена полощет,
Дружно оркестры играют...
Радуйся, Красная площадь,
Молодость не отступает!
Ветер знамена полощет,
Дружно оркестры играют.

П 29
34

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт №738



Степан Злобин *Рис. П. Митурича*

Туннель под Ист-Ривер

I

Слепой сидел на берегу и бросал в воду камешки. В давние годы, мальчишкой, он любил смотреть на убегающие в даль водяные круги. Теперь он только слушал чирканье по воде.

— Забавляешься?! — подойдя неслышно, спросил немец.

— Что же мне осталось? Просить милостыню? — сказал слепой.

— И то бы польза! — заметил немец.

— Семь... десять... одиннадцать...

— Тринадцать блинов!—удивился немец.—Из тебя будет толк, слепой, когда родится дурак, который станет платить за эти блины.

— Тринадцать!?—обрадовался слепой. Он загадал, что если сумеет выбить двенадцать блинов, туннельная кампания вместо него возьмет на работу сына.

Послышались шаги по скрипучей гальке и голоса туннельщиков.

— Здравствуй, Иосиф! Как дела!?

— Дела, как и были,—ответил слепой.

— А что же тебе сказали в больнице?—спросил итальянец Пьетро, хлопнув его по плечу и опускаясь на бревно рядом.

Слепой досадливо отмахнулся.

— Безнадежно?

— Да. Они говорят, что в сетчатке запеклась кровь.

Красные глаза его были похожи на две открытые раны.

— В каждой работе свой риск,—заметил Пьетро.—Мой отец был живописцем. Он упал из-под купола церкви и потерял ноги... Старик Ринальдино говорил, что это от того, что отец поминал за работой чорта, а ты кого поминал?

— Иосиф свистел в туннеле. Я не раз говорил, что земля накажет за это,—ответил за него немец.

— Ерунда!—прогудел гулкий как колокол голос «Крошки». Слепой не слышал, как он подошел.—Ерунда, бабьи сказки! Просто на нашу работу нельзя идти дохлякам. Орлиное зренье, заячий слух, лошадиное сердце, верблюжьи легкие—вот что нужно в

нашей работе!—Он стоял огромный, широко расставив ноги и на голову возвышаясь над всеми, и спокойно раскуривал трубку.

В памяти слепого был жив облик этого великана, который недавно пришел в туннель, а теперь вместо ослепшего Иосифа был назначен старшим десятником проходки. Этого гиганта прозвали здесь «Крошкой Эдди». Он был опытный водолаз. Он спускался в глубины Ламанша, Средиземного моря, Атлантического и Тихого океанов за кораллами, за утонувшими кораблями, за утопленниками, даже за легендарным сундуком с золотом, якобы сброшенным пиратами в лагуне одного из Скандинавских островов.

Рабочие стояли в двухстах шагах от маленькой пристани: они ждали смены в туннеле. К ним подошел инженер Смитль. Они поздоровались.

Инженер заговорил с «Крошкой» как со старшим по смене. Сейчас он должен уехать часа на три. Разведка показала, что их смена должна пройти спокойно. Направление намечено. Домкраты надо нажимать от первого до девятого слева, а справа—все двенадцать.

— Понятно.—кивнул Эдди.

— Ну и с богом!—Инженер пожал ему руку и пошел.

«Крошка» посторонился. Позади него стоял слепой. Огромный как глыба он молча переминался, обнажив голову и комкая в руках широкую шахтерскую шляпу.

— Вы что, Иосиф? — спросил Смитль, брезгливо отшатнувшись назад, — вас выпустили из больницы?

Инженер старался не глядеть на его лицо, обезображенное кровавыми дырами глаз.

— Выпустили...

— Ну, чего же ты хочешь? — Инженер не мог больше говорить с ним как с другими — на «вы». Калека, в его представлении, был чем-то средним между покойником и нищим.

— У меня семья, семеро детей... Я прошу, чтобы вместо меня взяли на работу сына,—глухо сказал слепой.

— Сколько ему лет?

— Восемнадцатый.

— Но ведь он твой сын!

— Конечно!

— У него, верно, дурное наследство?

— Какое же может быть наследство у бедных людей! Конечно, плохое...

— Он, наверно, плохо видит,—нетерпеливо пояснил инженер. Он взглянул в сторону к пристани и увидал вышедшую из-за поворота яхту. Инженер заспешил. К прибытию яхты он уже должен был быть у пристани...

Слепой вдруг понял: инженер обвиняет его сына в слабости зрения. Он испугался.

— Помилуйте, мистер Смитль, он видит как ястреб, он сильный. У него лошадиные легкие, слух соловья и верблюжье сердце... Он прекрасно видит! Прекрасно видит!..

— До свидания, сэр, мне некогда... Компании глаза вашего сына обойдутся слишком дорого, но ему самому еще дороже. До свидания!

Мистер Смитль быстро зашагал прочь. Слепой молчал несколько мгновений.

— Позвольте, позвольте, что вы сказали? — вдруг закричал он.

— Он ушел к пристани,—сказал Пьетро,—там подходит хозяйская яхта.

Слепой нелепо как птица сломанными крыльями беспомощно всплеснул руками и побежал за инженером, скользя по гальке вдоль берега.

— Что вы сказали?.. сэр!..— Он споткнулся о якорную цепь и упал, содрав кожу с ладони о гравий...

До пристани оставалось полсотни шагов. Слепой поднялся и зашагал осторожней, высоко и нескладно занося ноги и широко размахивая впереди себя палкой. Здесь, около пристани, он знал, лежали опрокинутые лодки, тяжелые чугунные лоты, тянулись якорные цепи, валялись битое стекло и обрезки жести. Палкой нащупал он мостки пристани.

— Мистер Смитль!

Инженер не откликнулся.

— Сэр, вы здесь?

Инженер стоял у края мостков. Слепой шел прямо на него, размахивая палкой. Он верно забыл, что мостки кончаются над водой.

— Мистер Смитль!

— После, Иосиф, после...

— Сэр, позвольте, вы сказали...

— После, сэр, я сказал...

— Алло, мистер Смитль!—послышалось с подошедшей яхты. Слепой узнал голос президента туннельной компании.

Началась пристанская перекличка матросов. Над головой слепого угрожающе свистнул развертывающийся канат. Судно царапнуло бортом о пристань. Брякнул спущенный трап. Иосиф шагнул вперед.

— Мистер Грехем!—отчаянно крикнул он.

— Я, сэр. Что вам угодно?—сухо и вежливо отозвался президент компании с палубы.

— Я потерял зрение в вашем туннеле...

— Что вам угодно?—также сухо спросил президент.

— Я прошу взять на мое место сына...

— Разве вы не знаете, что наймом и увольнением рабочих ведает мистер Смитль?

— Сэр, он прекрасно видит,—выкрикивал слепой.—Он здоров как бык, у него голубые глаза, сэр, у него верблюжьи легкие и слух соловья...—Слепой, вытянув руку, шагнул вперед. Инженер был уже на яхте.

— Убрать трап! — раздалась команда,— отдай чалку!

Слепой понял, что еще миг и он останется один на подмостках пристани.

— Мистер Смитль, мистер Грехем!!—закричал он в отчаянии и шагнул вперед. Палка ткнулась в пустоту, слепой потерял равновесие и тяжело рухнул в воду...

II

— Инженер прав!—прогудел Крошка Эдди, когда слепой скрылся за пристанскими постройками. — Взять его сына—риск. Погубит себя еще один человек, остальные потребуют прибавки...

— Мы и без того решили требовать прибавки,— возразил Пьетро,— только договоримся с ночными.

— С ночными договариваетесь? Я, кажется, дневной, а меня забыли!—заметил Эдди.

— Ты же ведь против профсоюзов, значит и против забастовки. Ты за хозяев,—сказал Жюльен.

— Я просто за справедливость, — огрызнулся Крошка.

— Посадить людей в консервную банку, накачать туда столько воздуху, чтобы глаза лопались, заставить по двенадцати часов копать землю да еще морить голодом—это справедливость!—крикнул Пьетро, далеко отшвырнув носком сапога прибрежную гальку.

— Бедная, кроткая килька! Ее насильно сажают в банку,—расхохотался Эдди.—Сами виноваты,—добавил он, спокойно раскуривая трубку.

— Что значит сами?!—воскликнули разом Жюльен и Пьетро.

— Конечно, сами виноваты,—спокойно продолжал он.—Кто вас звал сюда к нам, в Америку? Сами ехали полными трюмами. Когда вас не было, с нами считались. Я мог проработать месяц и стать богачом. А теперь... Будь я президент, я бы выслал вас всех обратно в Европу.

Маленький француз подскочил к Эдди и ухватился за пуговицу.

— Везде плохо,—крикнул он,—везде, где есть хозяева и хозяйские подлизы как ты!..

— Я ни к кому не подлизываюсь. Я честно работал всю жизнь,—раздраженно возразил Эдди.—Я лазил на чортовы глубины к каким-то бешеным рыбам. Я никогда не жалел головы, за то и кутил на славу! Кто виноват, что вы народили щенят, а сами дохнете с голоду!!

— Эдди,—выступил вперед поляк Ростовицкий,—вы окончательно отказываетесь от забастовки?

— Отказываюсь. Тебе тоже советую: больше работай, больше заработаешь...

Раздался резкий звонок колокола. Рабочие тронулись к туннелю толпой человек в двадцать.

III

Постройка туннеля велась английским способом: громадная стальная труба—«щит»—под страшным давлением гидравлических прессов — домкратов — острыми краями врезалась в грунт, продвигаясь горизонтально в глубине земли под рекой. Внутри щита работали люди.

Семиметровая в диаметре труба щита была разделена вдоль на две части стальной «диафрагмой», за которой в передней части, чтобы предохранить от вторжения грунтовых вод, держали большое давление воздуха как под водолазным колоколом.

Грунт под рекой был неровный. Скала вдруг иногда сменялась водоносным пластом песка, тогда увеличивали давление воздуха, чтобы вытеснить воду. Именно в такой момент от чрезмерного давления воздуха и потерял зрение Иосиф.

Рабочие прошли по сырому полутемному туннелю и остановились перед диафрагмой щита. Резкий свист воздушного крана неприятно прорезал тишину. Открылся рабочий шлюз. Из него выкатили вагонетки, полные породы, и вкатили порожние. Эдди первый шагнул в железную цилиндрическую камеру пассажирского шлюза. За ним, толпясь в узком проходе, переступили порог пятеро рабочих. Из крана со свистом рванулся поток сжатого воздуха и плотно прижал кованую железную дверь, обитую войлоком. Людей обдало ветром. Все молчали.

Эдди—старый водолаз—давно уже привык к большому давлению. Ему даже казалось, что он не ощущает разницы между давлением воздуха в щите и «на воле». А новички каждый раз «переживали» спуск в щит. Они молчали и неизбежно вспоминали о двадцати рабочих, затопленных в щите ворвавшейся водой.

Воздух шел уже без шипенья—с легким свистом. Виттори и Пьетро зажали пальцами носы и надувались, чтобы ослабить давление на барабанные перепонки. Внутренняя дверь шлюза открылась. Все шестеро вышли за диафрагму щита.

Сменный инженер и десятник ожидали прихода смены.

— Ну, как, мистер Эдди, остаетесь сегодня за инженера?—сказал сменный инженер,—поздравляю!

— Поздравляю, старик!—повторил десятник Том Грей.—Смотри не подкачай: сегодня плохой грунт, глина кончилась, много воды...

Еще перед входом в щит Эдди заметил, что вагонетки вывозят из передней камеры не известняк, не глину, а желтый мягкий песок. Он заглянул в чертежи на профиль работ и побледнел. Еще полгода назад все знали об этом месте и ждали здесь самого страшного. Но Эдди не знал, что именно сегодня вошли в песок. Он бы ни за что не согласился первый раз в жизни руководить проходкой в таком опасном месте.

Шлюзы опять зашипели

Слепой вытянул руку и шагнул вперед...

как змеи. Инженер и десятник вышли. Эдди остался командиром подземного корабля. Надо было приступить к работе, а он все стоял, уставившись в чертеж. Щит лежат на глубине трех метров под дном реки. Над ним плавали рыбы, а еще двадцатью метрами выше плавали по реке лодки и пароходы.

Он окинул взглядом товарищей: трое итальянцев, Ростовицкий, немец, два брата, шведы, почти дети, и двое ирландцев. Из девяти семеро семейных и двое птенцов.

— Инженер в глубоком размышлении!—ядовито воскликнул Витторио.

— Капитан выбирает курс. Тише!—сфиглярничал Пьетро.

— Теперь вы пойдете в гору, Эдди,—сказал Ростовицкий,—хозяева будут кормить вас еще сытнее... Вы сделали карьеру.

— Что ж не начинаете, генерал? — поддразнил Пьетро.

— Начнем!—сказал Эдди. Он подал сигнал механику. Частые удары загудели в стальном туннелещите. Гигантский нож под нажимом домкратов начал врезаться в грунт. Порода осыпалась рыхлыми комьями.

— Сто-ой!—крикнул Эдди.

— Стоп! — передал сигналист. Удары, сотрясающие всю конструкцию щита, стихли.

В наступившей тишине сквозь тонкое шипенье воздушных клапанов Эдди услыхал клокотанье, как бы кипенье воды. Он спустился в нижнее отделение щита. С клекотом в камеру врывалась из грунта пенная, пузыристая струя. Это значило, что щит «наскочил» на какой-то подземный источник. Чтобы вытеснить воду, нужно было прибавить в щите давление. Но он помнил Иосифа. Прибавить давление—это значило, может быть, искалечить двоих—троих из рабочих. Он решительно подошел к шлюзу.

— Эй, «инженер», не делай паники, куда ты решил удрать!?—окликнул его Пьетро.

Эдди кивнул на проступившую воду: — Видал?

— А ты думал заработать карьеру даром? Я сразу понял, что не зря сбежал инженер.

Эдди понял, что инженер ушел в самый опасный момент, что его обманули, что его и рабочих подвергают страшному риску. А что, если он все же блестяще проведет проходку? Ведь этот песок при удаче можно выгрузить в смену—четыре передвижки и самые страшные места будут пройдены без инженера!..

— Глупости! Никакого обмана нет... Никакой паники. Я просто хочу обезопасить людей,—оборвал он итальянца и отвернулся.

— Все в середину щита!—скомандовал он.

Обычно во время передвижек щита все рабочие стояли в три этажа по своим ячейкам. В крайнем случае оставалось четверо. Эдди не решался оставить и одного.

— Мудришь, профессор,—заметил Пьетро,—как же ты справишься?!

— Как-нибудь справлюсь. Скорей выходи, — торопил он,—а то затопит!

— А вы как?—спросил младший Оленсен.

— За меня не бойся, я дам большое давление воздуха. Все будет в порядке.

Дверь шлюза захлопнулась.

Крошка остался один в головной части, лицом к лицу с пловучими песками.

IV

Слепой давно оправился от послеобморочной слабости и лежал, укрытый теплым одеялом. На палубе яхты спорили о своих «делах».

Когда слепой услыхал слова инженера Смитля, он вздрогнул, скинул с себя одеяло, нащупал дверь и, шатаясь, вышел на палубу.

— Сэр, простите, где мы находимся?—спросил он человека, с которым столкнулся.

— Возле восьмой пристани,—ответил матрос.

— Прекрасно! Не было бы счастья, да несчастье помогло: мне как раз надо сюда к брату! Вы не знаете, мы пристанем?..

Последние слова его услышал мистер Грехем.

— Мы можем пристать и высадить вас, сэр, если вам хочется,— любезно предложил он.

— О, пожалуйста, сэр, вы так добры!!

Яхта причаливала. Слепой униженно кланялся. Мистер Грехем удостоил его рукопожатия:

— Не падайте духом, старина. Мы что-нибудь придумаем для вас... Вы не играете на скрипке? Жаль... Ну, мы что-нибудь придумаем. До свиданья!..

Слепой не знал, по каким улицам он едет. Гудки и звонки—вот все, что он слышал. На каждую остановку он досадовал так, что готов был выскочить из автомобиля и бежать пешком.

— К конторе?—спросил шофер, замедлив ход.

— К туннелю. К маленькой зеленой калитке, к проходной, где стоит усатый полисмен,— указал слепой, как будто видел и зеленую калитку и даже усатого полисмена. Он торопливо сунул шоферу почти все свои деньги,— последний заработок, полученный сегодня в конторе туннеля, соскочил с подножки и, размахивая палкой, пошел привычным путем к проходной. Он шел быстро и ловко как зрячий. Полисмен загородил ему вход.

— Куда?

— Мне нужно в туннель,—сказал слепой.

— Не знаешь порядка?! Пропуск!

— Я здесь работал!..

— Тем более должен знать.

— Там может случиться несчастье, пусти!

Слепой рванулся вперед. Полисмен удержал его. На щите собралась толпа рабочих, кативших вагонетки с породой: бетоном и камнем. Слепой крикнул:

— Товарищи! Бегите в щит... Сегодня случится несчастье, если не бросят работы!..

— Он сумасшедший!—крикнул техник.—Арестовать анархиста!—обратился он к полисмену.

— Что случилось, Иосиф?—спрашивали откатчики.

— Смитль нарочно сбежал. Вас утопят в этой дыре. Я слышал сам!..

— Замолчать! — крикнул полисмен и вынул свисток.

— Бегите в щит!—крикнул слепой.

Мигом явились трое шпиков. Двое пытались схватить слепого, рабочие заслонили его. В проходной будке один из шпиков отчаянно кричал в телефон, вызывая полицию. В туннеле перекликались рабочие, сообщая тревожную весть о грозящей катастрофе.

— Агент забастовщиков сеет панику, требует прекращения работы. Бунт!..—кричал шпик в телефонную трубку.

На автомобиле прибыл отряд полицейских. Тогда кто-то из откатчиков схватил слепого за руку и потащил куда-то. Слепой исчез, словно канул в воду. Полиция его не могла найти.

Рабочие в туннеле делали свое дело, но слова слепого посеяли страх и тревогу, и все поминутно прислушивались и настораживались.

Эдди уже второй раз в течение смены выгонял всех из головных ячеек и один регулировал домкраты.

В Крошке боролись два чувства: ему хотелось наперекор всему одолеть страшное место и вывести туннель в безопасный уровень. С другой стороны, он понял теперь, что итальянцы правы. Теперь он ненавидел и хозяев и инженера. Он работал ожесточенно. В нем напряглось все. Он вспомнил рукопожатие инженера Смитля и сплюнул. Он подал сигнал технику. Снова загудел туннель от тяжелых ударов. Из под края щита, пенясь и дымя, выступала вода...

Болели уши. Эдди взглянул вперед. Рыжая песчаная стена пучилась и шевелилась. Отступать было поздно. Вдруг страшная волна опрокинула Эдди, и гул ударов затих в свисте водяного вихря.

V

Откатчик мимо бетонного завода, мимо горы цементных боченков привел слепого к скалистому бе-

регу. Возле самого берега стояла шлюпка. Старик ловил рыбу.

— Дядя Яков!—окрикнул откатчик.—Возьми пассажира.

— Куда?

— Куда хочешь. Я увел его от полицейских. Этот слепой слишком много видит и не умеет молчать.

— А я куда его дену?!

— Туда же, куда прячешь свою контрабанду,— громко крикнул рабочий. Старик испуганно замахал руками.

— Давай шлюпку!

Старик покорно взялся за весла.

Слепой оперся на руку молодого товарища и ступил на зыбкое дно лодки. Мальчик-рулевой с любопытством рассматривал красноглазого огромного человека, неловко взмахнувшего руками и уцепившегося за борт

— Смотри, дядя Яков,— сказал откатчик. — Если полиция найдет слепого, мы ей поможем найти еще кое-что.

Шлюпка тронулась наперерез течению, к барже у противоположного берега. Зеленоватая вода текла мирно и гладко. В спокойной струе проплывали голубые и оранжевые разводы нефти. Впереди, за поворотом реки, высились мачты и пароходные трубы.

— Я тебя поселю в своей барже на «Марии», ты будешь помощником водолива,— сказал старик. — Я сам водолив.

Старик оглянулся. Он хотел посмотреть на свою белобокую «Марию» и от ужаса вырвал уключину: огромный сверкающий столб воды взвился в двадцати шагах впереди лодки. Мальчишка раскрыл рот и отпустил руль. Слепой вдруг встрепенулся от бурного звона волны и замер. Волна рухнула, сверкнув на солнце огнями, окатила водой, высоко подняла и повернула лодку. В том месте, откуда встал столб, вода кипела и клокотала, пучась, пузырясь, мутилась песком и разбегалась огромными водоворотами.

— Назад, назад, правь назад!—крикнул старик рулевому, стараясь поставить на место уключину.

— Что случилось?—оторопело спросил слепой.

— Не знаю... Волна... Святая мать, никогда не видал такого!

Вокруг шлюпки кипели воронки. Боясь, как бы новое извержение не опрокинуло лодку, старик со всей силой налег на весла, чтобы дальше уйти от страшного места, но течение влекло их в самый водоворот.

— Утопленник!—крикнул мальчишка.

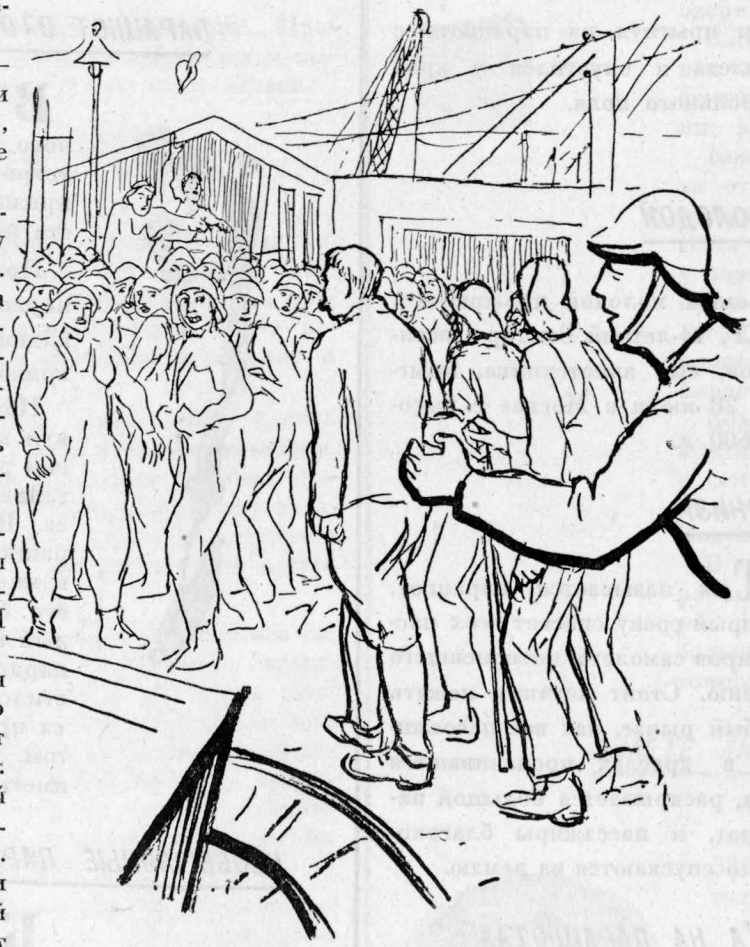
Старик оглянулся. По реке плыл утопленник. Откуда он взялся? Здесь не было ни лодки, ни плота, ни купальщиков. Старик испуганно перекрестился.

В тот же миг с берега донесся резкий удар колокола, второй, третий. Над водой поплыл тревожный звон.

— Греби назад,—закричал слепой,—это в туннеле звонят. Там несчастье!..

— Сиди смирно! — рявкнул старик. — Не дури! Тебе глупость в голову лезет, а тут человек... Может жив!.. Бери весла, греби!

Иосиф нащупал весла. Мальчик направил шлюпку к утопленнику.



Эдди бледный, но спокойный шагал к толпе. Старик семенил рядом.

VI

Полицейские окружили постройку. Рабочим было приказано разойтись. Однако несмотря на приказы начался митинг.

Когда к рабочим вышел инженер Смитль, приехавший на автомобиле почти в самый момент катастрофы, его встретили криком и свистом. Он хотел говорить, ему в голову полетели плитки изразцов.

— Эдди был глуп, он не понимал хозяйской механики, но теперь, если бы он был жив, он был бы, конечно, вместе с нами...

Так говорил Ростовицкий, стоя на пирамиде цементных бочек как на трибуне.

Вдруг итальянец Франциско сорвал с себя и бросил вверх шляпу.

— Эдди, Эдди! — крикнул он громко.

Все обернулись и остолбенели: отшвырнув полицейских, в ворота ворвались старик-водолив, Иосиф и Крошка Эдди, выброшенный из щита как пробка из бутылки, когда давлением сжатого воздуха прорвало речное дно. Это его подобрал старик-водолив. Крошка бледный, но спокойный, шагал к толпе. Старик семенил рядом.

— Эдди! Жив Эдди!—грянули итальянцы. Их крик подхватили другие.

Молча через головы товарищей Эдди протянул руку Ростовицкому и стал рядом с ним на самодельной трибуне перед толпой туннельщиков.

ПАРАШЮТНАЯ ГАЗЕТА

„ЗАЯЦ" С ПАРАШЮТОМ

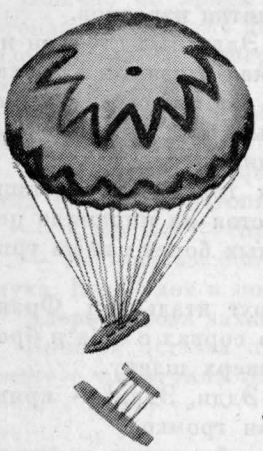
Во время футбольного матча «сборная Москва—Турция» на стадионе было около 100 тыс. зрителей. Вход на стадион охраняла милиция и никого не пропускала без билета. И все-таки один хитроумный человек попал без билета.

Он прыгнул на парашюте с самолета и опустился у края футбольного поля.

САМЫЙ МОЛОДОЙ

Самый молодой парашютист СССР, 14-летний Виктор Овсянников, сын авиотехника, прыгнул 28 июля в Москве с высоты 600 м.

СТУПАЙ ВНИЗ!



Так называется парашют, который сразу спасает всех пассажиров самолета, потерпевшего аварию. Стоит летчику нажать особый рычаг, как все пассажиры в креслах проваливаются вниз, раскрывается большой парашют, и пассажиры благополучно спускаются на землю.

ПОЧТА НА ПАРАШЮТАХ

В одном из глухих районов Ленинградской области нужно было сделать срочную операцию переливания крови. Если бы больному через несколько часов не перелили кровь, он бы умер. Об этом сообщили в Ленинград. Немедленно из Ленинграда был выслан санитарный самолет. Он сбросил над больницей на парашюте посылку с законсервированной кровью. Больной был спасен.

На парашютах сбрасывают почту, газеты, матрицы для печатания газет, посылки.

ВОЗДУШНЫЕ ГРАБИТЕЛИ

Несколько лет назад в Германии, США и Франции появилось много воздушных грабителей. Они забирались в самолеты, грабили пассажиров во время полета, отбирали кошельки, а затем спрыгивали с самолета на парашюте.

ПАРАШЮТ ОТОРВАЛСЯ

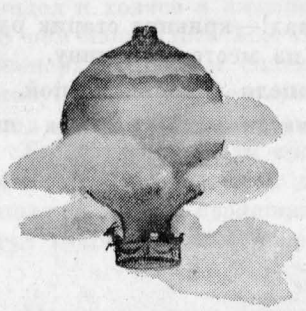
В день открытия V всесоюзного слета авиомоделистов был устроен большой воздушный праздник. Было сделано больше ста прыжков с самолетов.

Праздник открылся прыжком парашютиста, который во время падения наигрывал на трубе краковяк.

Парашютист Кайтанов прыгнул в 113-й раз. Как всегда плавно раскрылся парашют, и Кайтанов медленно стал опускаться. Вдруг зрители ахнули. Парашют оторвался, и Кайтанов камнем полетел вниз. Гибель его была неминуемой. Но смелый парашютист открыл второй парашют и благополучно спустился на землю. Это называется прыжок со сменным парашютом. Для такого прыжка нужно иметь очень крепкие нервы.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПАРАШЮТИСТЫ

Когда братья Монгольфье почти сто пятьдесят лет назад изобрели воздушный шар, они побоялись отправиться сами в первый полет. В корзинку Монгольфьера они посадили козла, петуха и кошку. Это были первые воздушные путешественники. 18 августа в Москве, на празднике авиации, с неба спустились те же животные: козел, петух и кошка.



Их подняли на самолете и сбросили вниз на парашютах. Так как они сами не могли дернуть кольцо, чтобы раскрыть парашют, то к кольцу была привязана веревочка. За нее дергал летчик и парашют раскрывался.

ПОССОРИЛСЯ С ЛЕТЧИКОМ

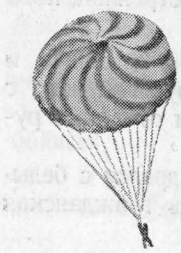
Одного парашютиста ветром отнесло к аэропорту, и он приземлился около только что прилетевшего пассажирского самолета, из которого вылезали пассажиры. Пассажиры решили, что, очевидно, с самолетом произошло несчастье, кинулись к парашютисту, окружили его и стали расспрашивать:

— Что случилось? Почему вы выпрыгнули из самолета?

А парашютист решил посмеяться над пассажирами и говорит:

— Ничего особенного... Просто с летчиком поругался и выпрыгнул. Пусть один летает.

ПРЫЖОК ИЗ ШТОПОРА



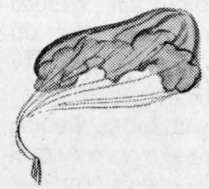
Еще несколько лет назад, когда самолет переходил в штопор, т. е. начинал падать, вращаясь носом вперед, почти неизбежно погибали и самолет и летчик.

Ученые всего мира бились над изучением причин штопора. Только советским ученым удалось до конца решить эту задачу. Сейчас самолеты строятся так, что они легко могут выйти из штопора.

Недавно летчик Амантаев совершил даже несколько прыжков с самолета во время штопора. Это самый трудный вид прыжков, и их не пробовали делать. И Амантаев долго тренировался перед первым прыжком. Летчик поднял Амантаева на высоту 1800 м.

— Перехожу в штопор, — сказал летчик.—Приготовься! — Самолет ринулся вниз с громадной скоростью. Когда самолет начал делать первый оборот вокруг себя (виток), Амантаев начал вылезать из самолета. Но давление воздуха от скорости падения самолета было так велико, что Амантаева прижало к самолету. Он никак не мог от него оторваться и падал вместе с самолетом. Только на четвертом витке удалось Амантаеву оттолкнуться от самолета. Он пролетел всего в 50 см от крыла вертящегося самолета. Затем сильным напором воздуха его отбросило на 50—60 метров в сторону—и только через 10 секунд Амантаеву удалось раскрыть парашют.

ПРЫЖОК В ВОДУ



—Есть, товарищ-командующий!—сказал летчик Козуля, получив приказание изучать прыжки с парашютом в воду. С самолетом может случиться несчастье и над водой. И летчику надо знать, как прыгать в воду, чтобы спастись.

В июльский полдень Козуля поднялся на самолете высоко над большим и глубоким озером. По сигналу летчика Козуля вылез на крыло самолета и прыгнул прямо в озеро. А в озере глубина больше 10 м.

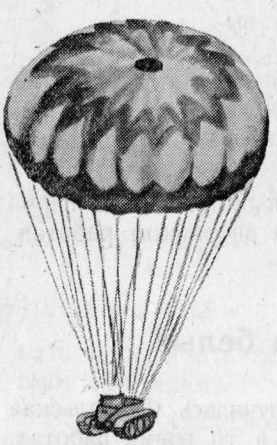
Словно камень падает человек вниз: и вдруг шолковый зонтик раскрывается, и падение замедляется.

Козуля быстро освобождается от лямок парашюта и держится за него только руками. Вода все ближе и ближе. Почти у поверхности воды Козуля отпускает парашют, бросается в озеро и плывет к берегу. А парашют падает на воду. Его подбирает лодка.

Козуля быстро переодевается в сухой костюм и снова бежит к самолету. Снова самолет поднимается над озером, и снова Козуля прыгает.

В этот день Козуля десять раз прыгнул с парашютом в озеро. Прыжки в воду требуют большой ловкости, смелости и точного расчета.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО



в Америке за десять лет благодаря парашюту спаслись 329 летчиков, а в Италии за 4 года спаслись 112 летчиков?

во время военных маневров капиталистических армий на парашютах с самолетов сбрасываются легкие орудия, пулеметы, легкие танки?

в СССР строятся 400 парашютных вышек?

ЦК комсомола решил, что в течение года комсомольцы должны сделать не меньше миллиона прыжков с парашютом?

в Москве строится первая в мире парашютная вышка для прыжков ребят?

парашют изобрел гениальный итальянский ученый и художник Леонардо да-Винчи, живший четыреста с лишним лет назад?

Б. ИВАНТЕР

Славный забойщик

Из книги „Слет победителей"
Рисунки А. Брея

Ученик хромого дьячка

Мальчишкой он был очень настойчивым и задирой. В драку лез первый, и доставалось ему тоже здорово. Доставалось ему впрочем везде: и в драках, и от отца, и в школе от своего учителя—хромого дьячка.

Жил он впроголодь. Даже писать было не на чем: бумаги не было. Полуголодный Никита воровал дома хлеб, но не ел его, а выменивал на бумагу: хотел учиться. Только арифметики не выносил, может быть, потому, что арифметике учил злобный хромоногий дьячок. Дьячок был низенького роста, с облезлой головой, злыми глазами и ковылял, опираясь на остроконечную палку. С этой палкой ребята были хорошо знакомы.

Никита зимой часто пропускал занятия в школе: не было сапог. Как-то не ходил целую неделю. Потом воспользовался тем, что отец сидел дома—его за пьянство прогнали с работы,—влез в его сапоги и прибежал в школу.

В школе он налетел прямо на хромого дьячка. Дьячок вцепился ему в волосы и давай драть. Никита обозлился и плюнул ему в глаза. Хромоногий математик, бешеный от злости, втолкнул мальчишку в погреб. Больше суток Никита просидел в погребе. Только на следующий день пришла мать с пьяным отцом. Они потребовали от математика, чтобы тот открыл погреб. Математик не соглашался. Тогда отец сам открыл погреб и вытащил оттуда Никиту за ухо.

Так и окончилось его ученье. Больше он в школу не вернулся. Отец отдал мальчика кулаку в работники. За долгую работу у кулака Никита получил всего полтинник, да и тот отец пропил.

Потом Никита сбежал от отца к буфетчику на пароход. Плавал на пароходе. Потом дворником работал.

Никита Изотов

С берданкой на белых

Никите было 15 лет, когда случилась Февральская революция. На фабрике, где он в то время работал, говорили, что это не настоящая революция. Никита решил, когда начнется настоящая, он обязательно пойдет воевать за нее. Во время Октябрьской революции, когда рабочие вооружались, пятнадцатилетний парнишка Изотов за две буханки хлеба выменял ржавую берданку и вступил в красногвардейский отряд.

В гражданскую войну Горловка много раз переходила из рук в руки. Никита работал, когда в Горловке были красные, а когда наступали белые, он брал свою берданку и уходил с красными.

Но раз пришли белые, а он не успел вырваться к своим. Белые вместе с другими рабочими послали и Никиту восстанавливать прерванную телефонную связь. Рабочие линию восстановили, но делали с ней все, что хотели. Они включались в линию и подслушивали разговоры.

Однажды Никита подслушал, как белый офицер из Константиновки передавал в Юзовку:

— Под Константиновкой идет бой. Пока еще держимся. Расстреляли, кого удалось поймать.

Изотов сразу раз'единил линию и позвал товарищей послушать, как с константиновской линии отчаянно ругался белогвардеец.

Потом Изотов опять дрался с белыми, пока не окончилась гражданская война.

Хочу работать в забое

После гражданской войны Изотов работал в кочегарке, но его все время тянуло в шахту. Он никогда не бывал под землей, а кругом были все шахтеры, разговаривали о шахтерских делах, пели шахтерские песни.

Под землей работа не легкая. И мало ли несчастий с людьми случалось в угольных шахтах: и водой заливало, и углем заваливало, и взрывался газ.

Но Изотова тянуло в шахту. Он пришел к инженеру Беликову и сказал:

— Хочу работать в забое, давно хочу и навсегда. Переведите меня из кочегарки.

Инженер Беликов увидел, что парень крепкий, для забоя подходящий, и отправил его в шахту.

— Смотри не засыпься,—сказали Изотову ребята из кочегарки.

— Ничего, не засыплюсь,—ответил Изотов и еще до спуска в шахту пошел с молодыми шахтерами за околицу петь шахтерские песни.

Получил Никита обушок и пошел с шахтерами к стволу. По сигналу в ствол шахты спускалась клеть. Стволовой крикнул: «Садись!»

Клеть со скрежетом и воем полетела вниз. У Никиты дух захватило, заложило уши, и он прижался к соседу. Сосед, старый шахтер, поднял лампу, посмотрел ему в лицо и сказал:

— С ветерком пустили, парень?

Клеть можно пустить медленно, а можно пустить стремительно, чтобы она камнем падала вниз. Это называется «с ветерком», и непривычному человеку от этого «ветерка» становится не по себе.

Уголь не поддается!

Никита нашел свой девятый уступ и начал клевать обушком угольный пласт. Уголь не поддавался. После удара оставалась только маленькая ямка, след от зубка. Никита бил с остервенением несколько часов, угля не нарубал и смертельно устал. Добывать уголь оказалось не так просто.

Он пришел домой, лег на кровать и лежал как раздавленный: рукой пошевельнуть не мог. Так встретил Никиту донецкий уголь.

Старый шахтер Зубков первый пришел на помощь Никите. Он помог ему обтесать держак обушка по руке. Он советовал ему разглядеть строение пласта. Бороться с углем нужно не только силой, но и хитростью. Изотов разглядел полоски, разделяющие слои пласта, и налег. С первого удара от пласта откололась груда угля. Он работал так, что на ладонях стиралась кожа и шла кровь. Но теперь он не падал духом и за день нарубил «конька», половину того, что дает средний шахтер.

Так шло недели три, пока техник, который приползал с соседнего уступа, не сказал ему:

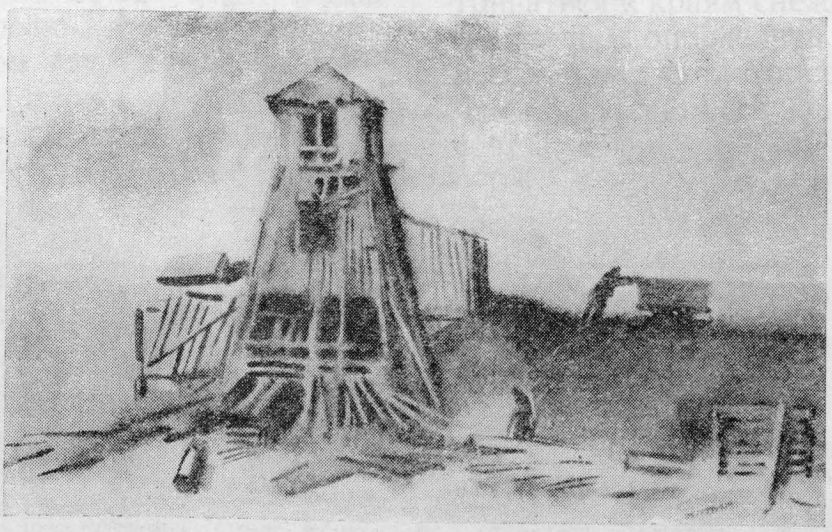
— Изотов, ты сегодня должен вырубить полторы клети—это норма забойщика. Посиди подольше, но добейся этого.

Изотов пробыл в забое с шести часов утра до четырех часов вечера—и вырубил полторы клети.

Через год Никита славился всюду как хороший забойщик.

Под рогожным знаменем

В 1931 г. работал Изотов в знаменитой шахте, шахте «Рогожного знамени», самой худшей шахте в Донбассе. Инженеры в шахте не бывали. Сидели наверху в конторе и писали бумажки. Никогда Изотов не видел главного инженера у себя на участке. Зато часто встречал его на поселке. Он гулял, закинув тросточку на плечо. А внизу, в шахтах, портились врубовые машины и отбойные молотки. Вагонетки с углем застревали на путях, задерживалось движение, замирала жизнь шахты.



Старая шахта с ручной откаткой угля

Глубоко под землей, в бестолочи и беспорядке делали свое дело кулаки и вредители. Вдруг на участке останавливались отбойные молотки, работавшие сжатым воздухом. Кто-то закрывал вентилятор в шахте, и воздух не поступал на участки.

В шахтах есть свои подземные лошади. Эти лошади никогда не видят дневного света. Они возят вагонетки. Работают на них коногоны. В Горловке работал коногоном кулак Баку. Он срывал злобу на лошади и дошел до того, что вырвал коню язык. Об этом долгое время в общем беспорядке никто не знал.

В это тяжелое время Никита Изотов начал писать в свою газету. Вместе с другими ударниками он стал разоблачать лодырей и вредителей, а когда партийная организация повела ударников-рабочих в наступление на бюрократов и кулаков, он вступил в партию.

Когда Изотова принимали в партию, все рабочие выступали за него и несколько раз повторяли:

— Изотова надо принять в партию: у Изотова надо учиться работать.

И на собрании Изотов обещал научить отстающих своему мастерству. Сначала обучал своих товарищей по участку, а потом решился написать письмо в «Правду».

— Я вырубаю в четыре—пять раз больше угля чем любой забойщик. Я добываю в день 1200 пудов угля. Я работаю только обушком, но товарищи в шутку называют меня «врубовой машиной».

Какого роста Изотов?

И пошли про Изотова легенды не только по Донецкому бассейну, а по всему Союзу. Шли слухи, что есть действительно в Горловке великан Изотов, что в одном пальце у него столько силы, сколько у обыкновенного забойщика в целой руке. Стал Изотов получать письма от шахтеров из далеких мест. Многие не верили тому, что он так работает. А те, которые верили, все-таки спрашивали, какого он роста? Может быть, в самом деле великан?

Потом в «Правде» появилась заметка, что в июне за 24 дня Изотов дал норму в две тысячи процентов. Один Изотов проделал столько же, сколько двадцать человек.

Опять не поверили шахтеры. Из Криворожья получил Изотов письмо:

«Просим подтвердить собственноручным письмом,—писали шахтеры,—так ли это в действительности? Если можно, то пришли нам свою фотографию для того, чтобы мы проверили, твой ли портрет помещен в газетах.

Пишем мы потому, что наш рудник—самый большой в Криворожье, а выполняет план только на 46—47 процентов».

«Никого и никогда не обманывала ленинская «Правда»,—ответил Изотов,—не обманула и сейчас. Разве я один так работаю? В Советской стране есть много тысяч ударников таких, которые решили догнать и перегнать заграничные достижения и доказывают это делом».

Изотов послал свою карточку, и шахтеры убедились, что это он и есть. Человек обыкновенного роста.

И в самом деле Изотов не отличался ростом от других шахтеров. Да и работает левой рукой. Он левша.

Рядом с ним работал забойщик Окунев, здоровый, хоть сейчас борцом в цирк. А на него нарисовали карикатуру: «Тяжелый атлет, не выполняющий плана». Был еще один великан, Давиденко, но и у него сила на добыче не сказывалась.

Школа под землей

Дело оказалось не в силе, а в сноровке. Надо уметь применяться к углю. Уголь идет струями, а иногда залегает прослойками. Если уголь идет струями, то Изотов пробивает щель сверху и снизу. Пласт угля выпячивается, его легче бить.

Если уголь идет прослойками, он находит самую мягкую, зольную прослойку и бьет туда. Главное, куда ударить. Изотов знает уголь как хороший охотник—лес, как снайпер—свою винтовку.

Под землей открылась изотовская школа. Это был особый участок, где Изотов обучал новичков. Лучшие комсомольцы пошли в изотовскую школу, и скоро участок новичков стал выполнять план вдвое.

Обученные изотовцы шли в другие шахты, и там один за другим стали появляться новые изотовцы. Племя Изотовых завоевывало шахты. Лучшего ученика Никиты Изотова—Сашу Степаненко—к 15-летию комсомола наградили орденом Ленина.

Потом с обушка перешли изотовцы на отбойный молоток. С отбойным молотком вырубаешь вдвое больше. Приставил его к пласту, пустил, а он сам уже отбивает уголь частыми ударами стального острия.

Ребятам легче стало работать. Изучив молоток, они стали подпевать за работой. В одном из уступов начиналась «Конная Буденного», потом переходила из забоя в забой, и под грохот молотков разносилась боевая песня по всему участку.

Не отступая, шли вперед, врезались в уголь комсомольцы-изотовцы.

Конец „Шанхая“ и „Пекина“

Сотни тысяч ударников переделали нашу страну и завоевали для себя хорошую жизнь. Горловка, где живет Изотов, называлась раньше «помойкой Донбасса». Это был самый грязный, отвратительный городишка в Донбассе. Всему Донбассу были известны три горловских поселка; у двух были звучные и красивые названия: «Пекин» и «Шанхай», а третий назывался просто Собачеевка. У жителей «Пекина», «Шанхая» и Собачеевки была одинаковая, проклятая собачья жизнь. Это были самые отчаянные трущобы Донбасса. «Шанхай» состоял из сырых землянок. Окна в них никогда не открывались. Стекла были наглухо вмазаны в стены. Сорок пять таких «дворцов» было в «Шанхае». Сорок четыре из них сломали и разорили навсегда, чтобы никто больше не смел строить такие могилы для рабочих и называть их жильем. А сорок пятый не стали ломать. Оставили.

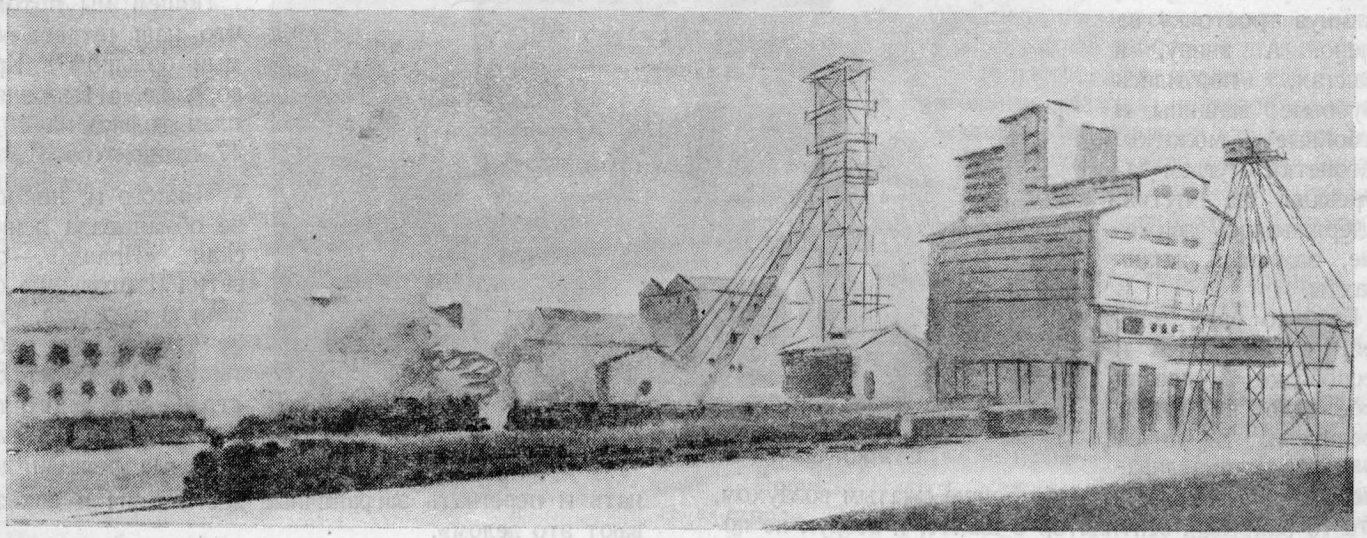
Хозяин землянки ждал, пока до него дойдет очередь, потом видит, что не ломают, и страшно рассердился—прямо закипел.

— Что же вы меня в ней хотите оставить жить?—закричал он.

Но его не оставили жить в землянке. Ему дали как и другим просторную и светлую квартиру в новом доме.

На месте «Шанхая» теперь бульвар, а посреди бульвара стоит сорок пятая землянка, накрытая стеклянным колпаком. В ней никто не живет: она музейный образец старой жизни.

А Горловка теперь—лучший город в Донбассе. За одно лето в ней построили 82 километра новых тротуаров. По тротуарам и по новому парку среди цветов гуляют шахтеры, ходит Изотов, там по вечерам молодые изотовцы поют шахтерские песни.



Так выглядит новая механизированная шахта

БОГАТЫРЬ МЕГЮЛЮ-БЕГЕ

Якутская сказка

Обработала Н. Шебалдина
Рисунок А. Тышлера

1

В той стране, где не бывало зим, где береза не меняла листьев, а сосна — игол, где птицы не улетали и скот круглый год пасся на лугах, ни разу не кошенных горбушей, — жил якутский богатырь Мегюлю-Беге с сестрой своей Хачылан-Ко.

Рано утром, едва солнце отделилось от хребта гор, проснулся в юрте своей Мегюлю-Беге и пошел к реке поить скот. Вдруг подул холодный ветер, упал снег, река замерзла. Удивился Мегюлю-Беге: «Что такое? — Сколько живу я здесь с сестрой моей Хачылан-Ко, такого не видал!» Пощупал снег рукой —ознобил руку; попробовал на язык — понравилось; отломил кусок льду, сосет с удовольствием; другой кусок захватил с собой для Хачылан-Ко и идет домой, озябнув.

Тут земля задрожала, как будто и она озябла. Видит Мегюлю-Беге, едет навстречу ему на железном коне железный человек. Остроконечная шапка его возвышается над столетними соснами. Остановился перед якутом, запел:

— Здравствуй, Мегюлю-Беге! Меня зовут Берекюя-Бетесь. Сильнее меня нет богатыря! Я приехал к тебе жениться на сестре твоей Хачылан-Ко. Если не отдашь, возьму все равно. Вижу, ты хочешь узнать, меткий ли я стрелок? Ну, попробуем!

Оторвал Берекюя-Бетесь половину утеса, поставил перед собой вместо сошки, чтобы поддерживала тяжелый лук:

— Ну, берегись! — крикнул. — Стрела моя дурно не идет!

А Мегюлю-Беге вырыл яму и прыгнул в нее, когда железный человек спустил тетиву.

Высоко над землей поднялась снежная пыль от выстрела: огромный котел вырыла в земле стрела Берекюя.

«Вот бедняга-якут! — подумал железный богатырь. — Даже пылинки от него не осталось!»

Едва подумал он так, Мегюлю-Беге вылез из ямы и сказал:

— Теперь я покажу тебе, Берекюя, меткость якутской стрелы!

Прицелился, выстрелил. Стрела летела в грудь, но Берекюя-Бетесь подпрыгнул, и она попала в живот.

Заревел от боли железный богатырь. Выдернул мох из-под снега, заткнул им рану, сел на коня и сделал тьму. Такая тьма сделалась кругом, что трудно стало найти юрту, а стояла она недалеко. Стал Мегюлю нюхать воздух: не запахнет ли дымом от камелька? Нет, не запахло дымом от камелька. Стал слушать: не загремят ли поблизости лошадиные челюсти, жующие траву на лугах? Нет, не слышно шума от жующих траву лошадиных челюстей. Лег на землю, стал присматриваться к краям снежных сугробов, чтобы по ним определить части света. Нет, невозможно стало определить по сугробам части света. Нужно ждать, пока рассеется тьма.

Рассеялась тьма. Солнце взошло над землей, мутное, красное как глаз якутской старухи, ослепшей от дыма. В долине клубится густое белое облако. Якут догадался:

«Это пар от дыхания скота моего. В той стороне и мой дом».

В той стороне и был его дом. Открыл он дверь юрты, зовет сестру. Сестра не вышла навстречу; огонь в камельке потух и зола остыла. В куче холодной золы стоит горшок с недоваренной кашей. Белая собака на полу у камелька лежит; подняла морду к потолку и воет тихонько.

Пошел богатырь искать Хачылан-Ко. Думал сначала: не ушла ли за водой? Звал ее на реке:

— Хачылан-Ко, почему камелек твой не топится в юрте? Все наши дойные кобылы и коровы давно стоят перед чумом,

Прицелился Мегюлю-Беге и выстрелил: Заревел от боли железный богатырь.

ждут тебя, разве не знаешь? Почему не идешь доить? Где ты, Хачылан-Ко?

2

Нигде не нашел якутский богатырь сестру свою Хачылан-Ко. Понял, что увез ее железный человек на железном, быстром как птица коне. Сел Мегюлю-Беге на своего саврасого коня, погнался по следам.

Долго ехал. Леса знакомые уже кончились; горы знакомые остались позади; началась чужая удивительная страна. Все в ней было из железа и меди. На железных полях зреют медные колосья ячменя; железная трава цветет медными цветами.

Стоит каменная юрта; перед ней врыт железный столб, к столбу привязаны восемь железных кобыл.

Почувствовал себя якутский богатырь слабым, как больной ребенок. Не может даже идти: ветром шатает. «Что такое? Никогда прежде так не было!». Поднял палку, идет, опираясь на нее, а коня отпустил.

Толкнул дверь юрты — дверь открылась. Сидит в юрте старуха. Ей поклонился Мегюлю-Беге и запел:

— Солнце—госпожа здешней земли! Я бедный человек, у которого нет своей юрты и пищи. Я ищу работы.

Выслушав, старуха сказала:

— Меня зовут Алабыр-шаманка. Если ты человек бедный и пришел искать работу, пожалуй, паси моих кобыл!

Стал пасти. Восемь месяцев пас. Позвала старуха якута. Вот сидит на полу, перед камельком, варит пищу. Обернулась к вошедшему. Ложка упала на железный пол, задребезжала. Так же голос старухи дребезжит:

— Здравствуй Мегюлю-Беге! Я узнала кто ты! Ты жил прежде с сестрой своей Хачылан-Ко в стране, где не было рабов, где береза никогда не теряла листьев, а сосна—игол, где скот твой пасся круглый год на лугах, ни разу не кошенных горбушей. Ты гнался за здешним богатырем Берекюя-Бетесь, который отнял у тебя сестру Хачылан-Ко. Ты был богатырем и потом обессилел от трудного пути. Я тобой довольна. Ты хорошо пас моих кобыл, за твою работу я дам тебе одного жеребенка и верну тебе твою прежнюю силу.

Велела садиться за стол. Сняла котелок с пищей с камелька, поставила перед Мегюлю-Беге. Стал есть Мегюлю-Беге; от еды вернулась к нему прежняя сила. Поблагодарил, сел на железного жеребенка, поехал.

Побежал жеребенок как стрела, пущенная из богатырского лука. Скоро остановился перед юртой железного богатыря Берекюя-Бетесь. Вышла из юрты Хачылан-Ко, увидела брата, испугалась.

— Уезжай отсюда скорей, Мегюлю-Беге, — сказала она, — пока не вернулся от кузнеца мой муж. Он поехал к кузнецу запаять живот, разорванный твоей стрелой. Если узнает, что ты здесь, убьет тебя, а его убить нельзя, потому что он железный.

Слез с коня своего якутский богатырь и запел:

— Хачылан-Ко, ты женщина. Когда вернется твой муж из кузницы, ты к нему приласкайся и узнай от него, как его можно победить? Не может быть, чтобы никак нельзя было победить железного человека!

Сказав, Мегюлю-Беге превратил коня своего в гнилую лесину, а сам спрятался.

Вот из-за медного леса показалась остроконечная железная шапка Берекюя. Едет богатырь, железным длинным носом нюхает воздух; перед юртой остановился и закричал:

— Что-то якутом у нас пахнет!

Хачылан-Ко выбежала из юрты, стала ласкаться к мужу:

— Разве ты забыл Берекюя, что жена твоя якутка?

Стала кормить мужа и расспрашивать:

— Ты скажи мне, Берекюя, запаял ли кузнец тебе живот и могу ли я не беспокоиться за твою жизнь, когда ты уезжаешь из дому в чужие страны и там встречаешься с другими сильными богатырями?

Стал успокаивать женщину железный богатырь: «Как ты обо мне тревожишься, Хачылан-Ко, любимая моя жена! А я думал, что ты не можешь забыть брата своего Мегюлю-Беге. За жизнь мою и здоровье ты не тревожься. Кузнеца я сегодня не застал в кузнице, но завтра он там будет и живот запаяет. Убить же меня так трудно, что едва ли найдется такой хитрец, который это сделает! Далеко, на краю земли, есть море. На берегу моря пасутся три оленя. В брюхе среднего оленя лежит железный сундук, в железном сундуке спит медная змея. Кто найдет змею и убьет, тот убьет богатыря Берекюя-Бетесь.

Разве брат твой, Мегюлю-Беге, это сделает? Он совсем стал слабым как больной ребенок. Он стал бедным человеком и пасет скот у железной старухи Алабыр-шаманки. А кроме него кто это сделает?

Глядя в щелку двери, Мегюлю-Беге видел сестру свою, разговаривавшую с железным богатырем, прислушиваясь, слышал все. Вскочил он на жеребенка, подаренного ему Алабыр-шаманкой, помчал его к морю жеребенок как стрела, пущенная из богатырского лука.

Вот пасутся на берегу три оленя. Далеко слышны щелканье их копыт и шум от жующих челюстей. Якут подкрался к среднему, распорол ему брюхо. Выпал из оленьего брюха железный сундук; выползла из железного сундука медная змея. Змею Мегюлю-Беге убил, сел на коня и поехал обратно за сестрой.

Вот едет из кузницы по железному полю железный человек Берекюя-Бетесь. Кузнец запаял ему живот. Дома ждет его молодая жена Хачылан-Ко. Ветер едва колышет тяжелый, медный колос ячменя. Чуть колышутся венчики железных цветов. Бежит по дороге, высунув тяжелый железный язык собака Берекюя, охраняет хозяина от врагов. Ну с чего бы тут тревожиться? Тут бы только радоваться и скорее спешить домой!

А на сердце стало тревожно как в часы, когда сполох играет в небе и наступает двухмесячная зимняя ночь. И собака почему-то завыла.

«Уж не вернул ли как-нибудь прежнюю силу свою якутский богатырь Мегюлю-Беге? Может быть, след его учуяла собака и потому завыла?»

Все тревожнее становилось на сердце Берекюя-Бетесь. Хотел слезть с коня, чтобы посмотреть следы на земле, вдруг сердце перестало биться — упал с коня и умер.

Поднялся вихрь и стал вырывать с корнем железные деревья.

О. Дрожжин

Предки автомобиля

Рис. В. Губина

ПОВОЗКА БЕЗ ЛОШАДИ

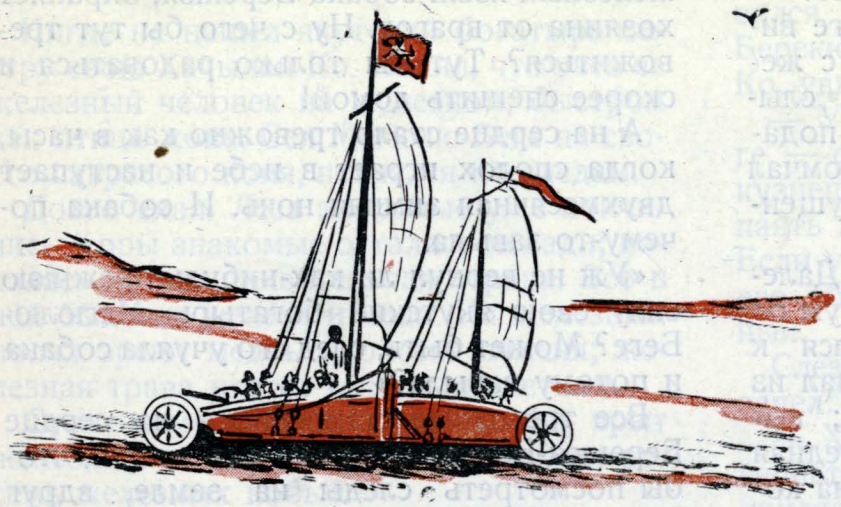
В древнем Риме около двух тысяч лет назад какой-то механик изобрел повозку, которая должна была двигаться без лошадиной упряжки. На повозке он устроил топчак, соединенный деревянными зубчатыми колесами с задней осью. На топчак втащили лошадь. Она должна была идти по топчаку, при этом топчак стал бы вертеться и таким образом привел бы в движение задние колеса, а с ними и всю повозку.

Но из этого ничего не вышло. Механизм был слишком грубый, и повозка не пошла.

В средние века было сделано несколько попыток построить безлошадные повозки. Рассказывают, что в германском городе Нюрнберге лет триста назад ходила повозка без лошади. Она приводилась в движение человеком, который нажимал ногами на лопасти колеса, похожего на колесо водяной мельницы. Колесо это было приделано сзади и соединялось с задней осью. Передние колеса служили для управления.

Но эта повозка тоже не имела практического значения, так как сила человека не велика. Она составляет приблизительно десятую часть лошадиной силы.

СУХОПУТНАЯ ЛОДКА

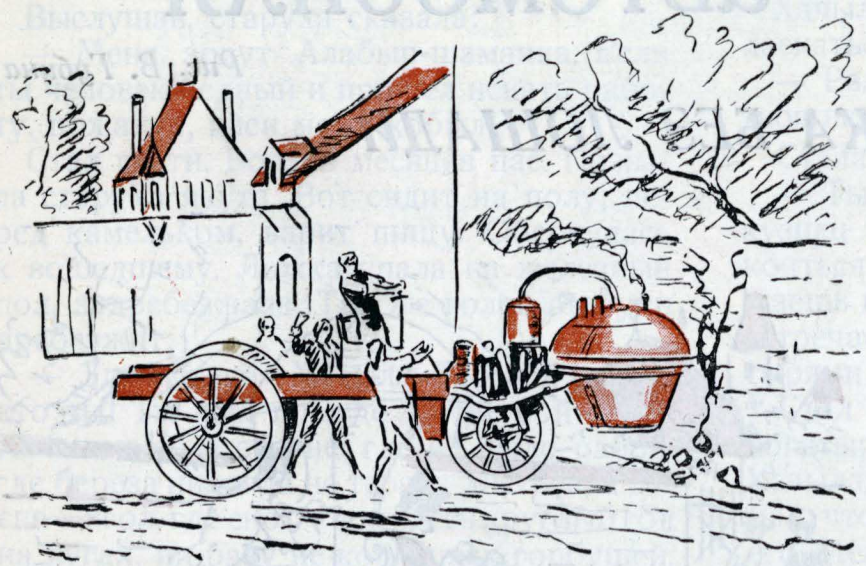


Были попытки использовать и ветер для движения повозок подобно тому, как он двигает корабли на море. Особенно удачный «ветряной автомобиль» был построен в 1599 г. голландским физиком Стевином. «Сухопутный корабль» Стевина с пятнадцатью пассажирами при попутном ветре и по хорошей дороге пробегал в час до тридцати километров, вызывая изумление прохожих.

Однако и парусные автомобили не привились. Ведь ветер дует не всегда и чаще всего совсем не в ту сторону, куда нужно ехать.

Впрочем потомки автомобиля Стевина существуют еще и в наши дни ввиде парусных саней-буэров, на которых зимою катаются по льду. Буэра могут мчаться по гладкому льду со скоростью в сорок, пятьдесят и более километров в час, в зависимости от силы ветра.

ПАРОВАЯ ТЕЛЕГА



В 1711 г. английский кузнец Ньюкомен изобрел паровую машину с цилиндром и поршнем. Лет через пятьдесят-шестьдесят она была усовершенствована английским механиком Джемсом Уаттом.

С этого времени многие пытались построить самодвижущуюся повозку с паровой машиной. Первым, кто сделал такую повозку, был Жозеф Кюньо, живший в городе Вуада, в Лотарингии (теперь часть Франции).

Автомобиль Кюньо имел три колеса. Перед передним колесом помещался котел, по устройству похожий на самовар. Позади котла было два паровых цилиндра с поршнями. Прикрепленные к ним штоки (стержни) вращали переднее колесо.

Паровая повозка Кюньо двигалась очень медленно. Она делала в час четыре-пять километров. Так идет человек, который никуда не торопится. Пара в котле образовывалось так мало, что машина через каждые пятнадцать минут останавливалась.

Управлять ею было очень трудно, так как для управления служило переднее колесо, на которое всей своей тяжестью давил котел. Однажды Кюньо не успел вовремя повернуть свою повозку. Она с размаху ударилась о кирпичный забор, проломила его и сама сломалась.

После этого опыты были прекращены. После Великой французской революции автомобиль Кюньо был помещен в Технический музей, в «Консерваторию искусств и ремесл» в Париже. Там и хранится он по нынешний день.

САМОХОДНАЯ КОЛЯСКА

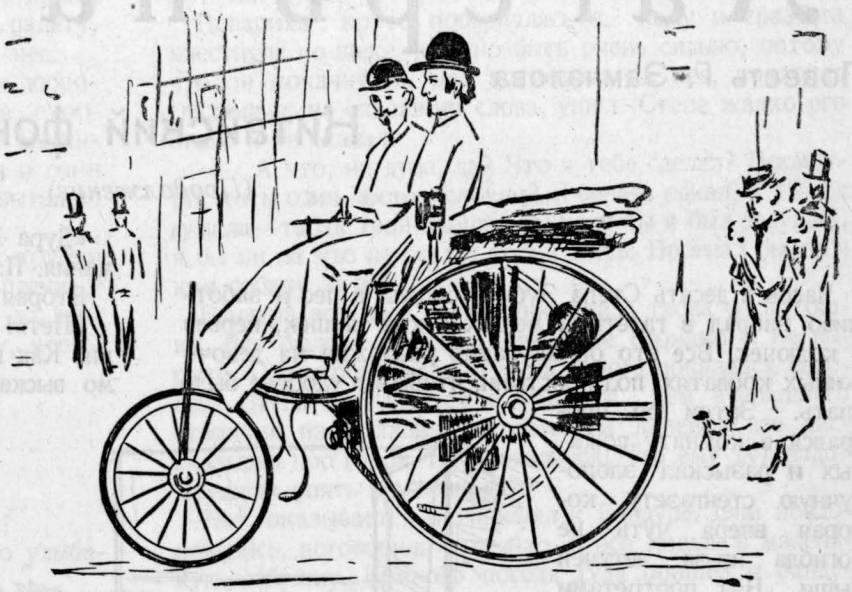
В 1860 г. французский механик Жан Ленуар изобрел газовый двигатель. Он имел то же устройство, что и паровая машина. Только вместо пара в цилиндр впускался светильный газ, смешанный с воздухом. В цилиндре эта смесь зажигается электрической искрой и взрывается. Газ давит на поршень и заставляет его двигаться. Такие двигатели стали называться двигателями внутреннего сгорания.

Через десять-пятнадцать лет газовый двигатель был усовершенствован немцем Николаем Отто.

Первым, сделавшим автомобиль с двигателем внутреннего сгорания, был Карл Бенц, родившийся в семье кузнеца в городе Карлсруэ, в Германии.

К. Бенц приспособил газовый двигатель к работе на бензине, установил его на трехколесной повозке и заставил вертеть задние колеса. Первый автомобиль К. Бенца действовал хорошо и пробегал в час до пятнадцати километров.

Это было еще совсем недавно — в 1885 г. С тех пор прошло только сорок девять лет, но как быстро выросли и количество, и качество, и значение автомобиля! Сейчас на всей земле насчитывают до тридцати трех миллионов автомобилей, которые совершают огромную работу, перевозят людей и грузы.

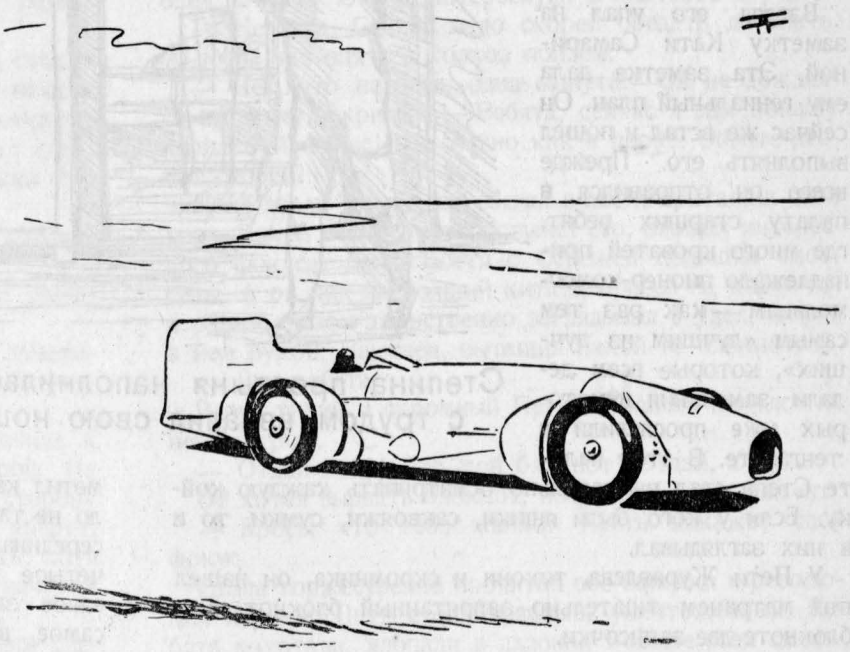


СИНЯЯ ПТИЦА

Самое замечательное свойство автомобиля — быстроходность. Наибольшей скорости — 438 километров в час — в прошлом году достиг автомобиль «Синяя птица» под управлением гонщика Малькольма Кемпбелла. «Синяя птица» имеет двигатель в две тысячи пятьсот лошадиных сил. На полном ходу каждое колесо автомобиля делало две тысячи шестьсот оборотов в минуту. Сопротивление встречного воздуха так велико, что если бы М. Кемпбелл высунул голову из-за щитка, то ее оторвало бы.

Чтобы по возможности уменьшить сопротивление воздуха, автомобилю придана особая форма, которая называется удобообтекаемой.

Подробно об истории автомобиля читайте в книге О. Дрожжина «Рождение автомобиля», которая в скором времени выйдет из печати в Детгизе.



Лагерь на Вокше

Повесть Г. Замчалова

Рис. А. Варнавицкой

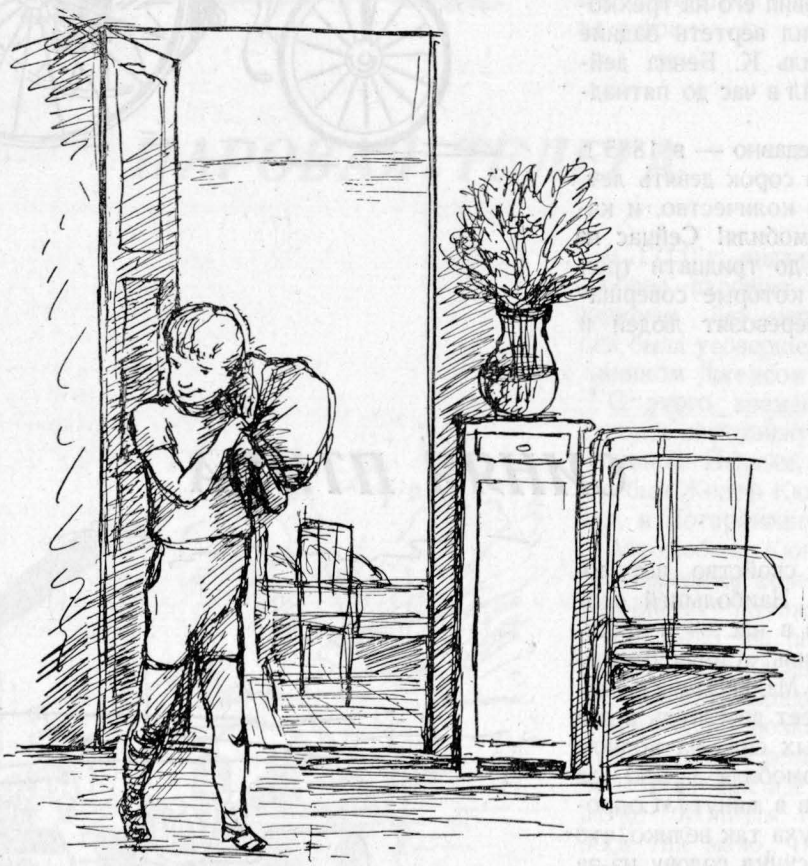
Китайский фокус

(*Продолжение*)

I

Часов в десять Степа Зубков сходил в лес и заботливо набрал в газетный мешок сухих шишек, перьев и колючек. Все это он акуратно разложил на девочкиных кроватях, под простыни, чтобы им удобнее было спать. Затем он пробрался в комнату вожатых и разыскал злополучную стенгазету, которая вчера чуть не погибла из-за летучей мыши. Над портретами ударников он зачеркнул надпись «Наши ударники. Лучшие из лучших» и написал карандашом: «Наши бузотеры. Худшие из худших», а на самих портретах он нарисовал усики и бородки клиньями. После этого он долго и серьезно думал: что бы еще сделать?

Взгляд его упал на заметку Кати Самариной. Эта заметка дала ему гениальный план. Он сейчас же встал и пошел выполнять его. Прежде всего он отправился в палату старших ребят, где много кроватей принадлежало пионер-комсомольцам — как раз тем самым «лучшим из лучших», которые всем делали замечания и которых уже прославили в стенгазете. В этой палате Степа стал внимательно осматривать каждую койку. Если у кого были ящики, саквояжи, сумки, то и в них заглядывал.



Степина простыня наполнилась так, что он с трудом взвалил свою ношу на плечи.

У Пети Журавлева, тихони и скромника, он нашел под матрацем тщательно запрятанный блокнот, а в блокноте две записочки.

Первая записочка:

«Петенька, ты ужасно какой хороший, лучше всех в нашем лагере. Я через тебя вчера супом облилась вся, потому что загляделась. Только ты никогда не узнаешь, кто тебе писал.

В. С—ва».

На записке была резолюция, написанная черным карандашом:

«Дура Валька. Тоже суется еще. Не обращать внимания. П. Ж.»

Вторая записочка:

«Петя! Зачем ты мне пишешь свои дурацкие записки? Как пионеру тебе даже очень стыдно. Я тебе прямо выскажусь. Ты мог бы сделаться хорошим пионером, только ты парень избалованный и в умственном отношении очень капризный. Не смей так делать, а то я скажу про тебя на совете лагеря».

Подписи не было, но резолюция, красиво разрисованная двумя карандашами, красным и синим, выдавала автора:

«Катя, Катенька, Катюшонок!

Милая, милая, милая— тысячу тысяч раз!

Все равно люблю, пускай хоть выговор об'явят!

Ты прямо факел пионерства!»

У Васи Ушакова в сумке, под грязной рубахой, Степа нашел книгу «Вопросы деткомдвижения». Вася был самый лучший оратор в школе, то есть умел, подражая взрослым, делать длинные и скучные как осенний дождь доклады. Наверное, и книга у него была такая же. Он уже хотел бросить ее обратно в сумку, но вдруг заметил какие-то неровности в книге: что-то в ней было не так как во всех. Он раскрыл и увидел, что вся середина книги была вырвана, а на ее место вложены четыре тоненьких истрепанных книжонки: 1) «Кровавое знамя флибустьеров», выпуск 13-й, 2) то же самое, выпуск 34-й, 3) Шерлок Холмс «Прелестный убийца», 4) Нат Пинкертон «Джек-потрошитель».

В этой палате Степа нашел еще стихи «Гоп со смыком» и белый никелированный револьвер с костяной ручкой. Он был почти в полной исправности. Только вместо барабана была вставлена круглая деревяшка с гнездами для пуль как в настоящем. Больше ничего не нашлось. Особенно Степе досадно было, что не удалось накрыть Мишу Садовникова.

— Ну ничего, пока и этого хватит,—сказал он и пошел в другие палаты.

У ребят поменьше он отыскал множество пугачей, камешков, финок, расстрелянных патронов, самых неожиданных книг и даже пачку папирос. Эти и прятать как следует не умели: сунут под подушку и думают, что никто не найдет. В конце концов у Степы набралось столько всяких вещей, что унести их в руках было невозможно. Тогда он сбегал к себе в палату, сорвал с кровати простыню и стал собирать в нее.

У девочек Степа разыскал много слезливых и добродетельных сказок, целый склад вялых огурцов, сморщенных яблок и конфет, портреты Рудольфо Валентино и Рамона Наварро, ленты, бусы, брошки и один гвоздь для завивки. Даже у Кати Самариной вытащил из-под подушки «Люду Власовскую» Чарской.

Степина простыня наполнилась так, что он с трудом стянул концы. Когда он взвалил эту ношу на плечи, у него подогнулись колени. Кое-как донес он ее до леса и спрятал в кустах. Спрятал и сел на траву, чтобы насладиться трудами рук своих.

II

Долго сидеть ему не пришлось.

— Степа, Степа, ты где? Иди сюда скорей!

Он вышел и увидел Витю Дмитриева, ехидно улыбающегося.

— Ну что тебе?

— Там Бандура с вашей Шуркой ругается! Совсем ее из кухни прогоняет.

Степа никогда особенно не интересовался делами сестры, но Бандуру он ненавидел всей душой, и все, что с ней делалось, ему было очень интересно. Поэтому он сейчас же побежал в кухню. Еще издали он услышал свирепый голос Бандуры. Шура отвечала тише, но тоже, видно, спуску не давала. Степа заглянул в открытую дверь. Прямо перед ним блестело красное от жара и злости лицо Бандуры.

— Вон, вон!—кричала она.—Чтобы духу твоего тут не было!

— Никуда я не пойду!—говорила Шура. Она стояла боком к двери, упрямо нагнув голову. Степе сначала показалось, что она плачет, но, когда она заговорила, в голосе ее была твердая решимость и никаких слез:

— Раз меня сюда поставили, значит, я должна тут быть.

— Ишь какая явилась! Я пятнадцать лет у генерала служила, да мне никто не указывал, а тут...

— А зачем ты неправильно делаешь? Все равно ведь масло останется.

— Это правда, Агафья Семеновна,—робко заметила одна из помощниц, Настя.—Жара вон какая, разве его сохранишь до завтра?

Бандура еще пуще раз'ярилась. Она подскочила к Насте и стала выталкивать ее вместе с Шурой. На крик сбежались дежурные. Они было взяли сторону Шуры, но повариха заявила, что если Шуру не уберут, то она сама уйдет. Тогда они тоже заколебались: хотя обед насегодня был уже совсем готов, но ведь вечером тоже надо было есть, и завтра, и послезавтра.

— Ребята!—тихо сказал Степа.—Сейчас я все сделаю. Вы только крикните: «Зачем картошку копаешь?»

В открытую дверь из кухни видны были ровные грядки с жирной ботвой. Степа нагнулся над ними. Ребята закричали. В ту же секунду из кухни бурей вырвалась Бандура и заорала:

— Ты что делаешь, а? Ах, разбойник!

Степа выждал, когда она подбежит совсем близко, и поскакал к табаку. Он сделал вид, что ломает листья. Бандура, захлебнувшись от бешенства, погналась за ним. Он опять дождался ее и запрыгал дальше, к сеновалу. Наверное, это кончилось бы разрывом сердца у злой старухи, если бы навстречу им не вышел дедушка Бандуры. Он долго смотрел на погоню, потом сказал:

— Ей, бигимот! Ты бы еще с цыпленком связалась. Вот так дура!

Повариха круто повернулась к нему и сразбега хлестнула по щеке, должно быть очень сильно, потому что он покачнулся. Дед посмотрел на нее, похлопал глазами и, не сказав ни слова, ушел. Степе жалко его стало и он сказал:

— А что, не дура, да? Что я тебе сделал? Посмотри, хоть один листок сломан? Я мячик искал, а ты уж думала—табак твой паршивый. Если бы я был дедушка, я бы ни за что не стал с тобой жить. Прогнал бы тебя как собаку, и все.

Бандура все-таки пошла, проверила табак и картошку. Все было в порядке, ничего не сломано и не вырыто. Она успокоилась. Тут на дороге показался человек. Степа пригляделся и узнал в нем вчерашнего старичка из колхоза, который на линейке все рассказывал про горох. Вот повадился! Что ему тут надо? Неужели опять жаловаться?

Нет, оказывается он пришел к Бандуре. Они поздоровались, поговорили о чем-то, и оба пошли в маленькую избушку. Немного погодя туда пришел и бандурин дедушка. Он толкнулся в дверь, но она оказалась запертой.

III

Загремел барабан, показались ряды пионеров, возвращавшихся из колхоза.

Как только вышли из строя, ребята побежали за полотенцами и вперегонки пустились на пляж.

Когда вернулись с купанья на площадку, Степа подошел к Виктору Павловичу и смиренно попросил:

— Виктор Павлович! Можно показать мне ребятам одну штуку? Очень интересную. Волшебное зеркало.

— Некогда. Сейчас надо скорей обедать да спать. А после чая опять в колхоз пойдем.

— Нет, это недолго, одна минута.—Он не дождался согласия и крикнул:—Ребята, сейчас я вам покажу китайский фокус! Интересно как в цирке. Зовите девчат скорей!

Пока звали девчат, он сбегал в лес и притащил свой узел. Почти весь лагерь обступил его, ожидая интересного фокуса. Даже Костя с Сережей подошли смотреть. А он как настоящий китаец присел на корточки и одним глазом таинственно заглядывал в узел, шарил в нем рукой. Наконец, вытащил какой-то блокнот.

— Вот ребята...

Вдруг тихий и скромный Петя Журавлев кинулся на него тигром.

— Отдай сюда! Это мой блокнот! Отдай, а то...

Он хотел вырвать блокнот, но ребята оттащили его:

— Брось, что тебе жалко? Пусть покажет свой фокус.

Степа торжественно прочитал обе записки и резолюции на них. Петя стоял красный, уничтоженный. Ребята хохотали, хлопали в ладоши. Больше всех смеялся Вася Ушаков, но вдруг лицо его вытянулось: Степа вытащил из простыни книгу.

— Что это за безобразие!—крикнул Вася.—Брось дурака валять! Разве можно в чужие вещи лазить? Дай сюда книгу!

Но Степа не отдал и ехидно спросил:

— Чего ты боишься? Ты же у нас лучший из лучших. Ребята, вот какие он книжки ученые читает.

Вася Ушаков круто повернулся и пошел в лесок.

— Постой! Возьми свою «Прелестную убийцу»!

Все с опаской поглядывали на узел как на пень, из которого может вдруг выползти змея и укусить.

Из волшебной простыни появились на свет револьвер, камешки, ножи, пачка папирос.

Дошла очередь до девочек. Они было запищали: «Довольно, пора обедать!» Но Катя Самарина тихо и серьезно сказала:

— Нет, девочки, пусть до конца говорит. Это хотя хулиганство—лазить в чужие вещи, зато он говорит правду.

— Конечно, правду, а то как вы, что ли?—снахалил Степа и вытащил из простыни книгу Чарской.—Вот про эту книгу все знают, что она вредная и в ней одни глупости старорежимные, а знаете, у кого я нашел ее?—Он посмотрел на Катю Самарину. У той загорелись уши, лоб, щеки, но она не отвернулась и даже голову не опустила. Ему стало почему-то неловко говорить про нее и он соврал:—Эх ты, забыл у кого. Помню, что у девочки, а у какой, забыл.

— Вот теперь и ты соврал,—сказала Катя. Она говорила совсем спокойно, хотя лицо у нее было все красное и глаза блестели как в жару.—Эту книгу ты нашел у меня и хорошо помнишь это. Ребята! Я сознаюсь, что читала ее. Потом, если захотите, я расскажу, что нашла в ней. А теперь давайте дальше.

Но тут Степа выкинул совсем неожиданную штуку. Он посмотрел на Катю, потом вдруг схватился за конец простыни, вытряхнул оставшееся в ней барахло и сказал:

— А ну вас совсем! Ерунда все это.

Встряхнул простыню, деловито свернул ее и направился к себе в палату.

— Нет, ты подожди. Теперь мы тебя будем спрашивать.

— Отцепись!—буркнул он.—Нечего меня спрашивать.

И убежал. Ребята зашумели встревоженной галочьей стаей. В первую минуту слышались только голоса озлобления: все ругали Степу, все обвиняли его в хулиганстве, в том, что он скверный товарищ. Потом все чаще стали раздаваться выкрики, что он все-таки сказал правду, что рано или поздно об этом все равно надо было говорить. Миша Садовников заявил, что положение серьезное и его надо сейчас же обсудить. Вася Ушаков (он уже вернулся) сказал, что надо об'явить тревогу. Виктор Павлович согласился, что говорить об этом нужно, только не сейчас. Это слишком серьезный вопрос. Лучше перевести на вечер, а пока пусть все хорошенько подумают над этим. Предложение было принято. Сережа сделал знак, и Аким Иванович Капалкин затрубил на линейку.

IV

Снова мертвый час. Снова один склоняется над кроватью и дергает за плечи, а другой делает вид, что не слышит. Только теперь будит Федя, а притворяется Степа. Наконец, он открывает глаза.

— Что тебе?

— Степа, ты лазил туда?

— Лазил.

— Ну, что там? Банки нашел?

— Нет там никаких банок!—говорит Степа с досадой.—И миллионов нет. И «Светлого города» не будет.

— Да тише ты, не ори! Как же это нет? Смотри, Степа. Думаешь, хорошо, когда своего товарища обманывают? Сам же ты слово дал.

— Да ну-у тебя! Что я виноват, что он негодяй был, генерал этот? Взял и увез все.

— Ты, может, плохо смотрел?

— Плохо! Целый час там возился.

— Значит, он ничего не оставил?

— Оставил только ерунду.

Федя с большим трудом уламывает Степу сходить и еще раз поискать. Они опять отправляются к сеновалу. Под мусором в яме лежит новенькая лестница из тонкого хвороста. Они открывают дыру и осторожно спускаются в темный подвал. Пол под ногами каменный, холодный, но сухой. Зажженная спичка осветила каменный угол и в нем еще два камня, больших и круглых как колеса, только гораздо толще. На верхнем камне торчала железная ручка.

Степа за руку подвел Федю к противоположной стенке.

— Помнишь, дедушка говорил, что генералу хлеб девать было некуда?

— Помню.

— Ну вот, смотри.

Степа чиркнул спичкой, и Федя увидел что-то вроде огромных шкафов с выдвинутыми ящиками внизу. Они шли вдоль всей стены и были сбиты между собой, составляя как бы один гигантский шкаф с отделениями. Четыре ящика слева были пустые, остальные четыре доверху насыпаны хлебом. Федя зачерпнул горсть тяжелых зерен, подкинул ее на руке и бросил назад в ящик. Спичка погасла. Стало опять темно. Ребята стояли подавленные.

— Эх, и дурак же он был!

— Конечно, дурак. Кто это хлеб оставляет на шестнадцать лет? Он же, наверно, протух за это время.

— Хлеб не протухает, а черствый делается.

— Ну черствый, все равно. Хоть бы вещи оставил какие-нибудь. Чашки, например, золотые тарелки, ложки. У них, говорят, все было золотое. Обедать принесут в большой кастрюле—она золотая вся. Возьмут поварешку разливать—поварешка тоже золотая. Часы золотые. Ну что ему жалко было хоть половину оставить? А хлеб—на что он нам сдался?

— Да, хоть четверть, и то бы хватило. Три «Светлых города» можно было построить. Пожадничал, дурак, а сам еще хуже сделал: теперь все толстопузым досталось, заграницу.

— Ух, и ненавижу его!

Долго они еще разговаривали таким образом. Потом Степа встал на выдвинутый ящик. Федя подсадил его, и он залез на шкаф. Оказалось, что все шкафы без верха. Степа протянул руку и нащупывал все то же зыбучее тяжелое зерно.

— Вот, болван!—возмущался Степа, лазая по хлебу.—Вот, сумасшедший старикашка! Федя, лезь сюда. Ты посмотри, сколько он добра погубил!

Федя сам, без всякой помощи, взобрался наверх. Он запустил в хлеб обе руки и вдруг нашел в нем новую блестящую догадку.

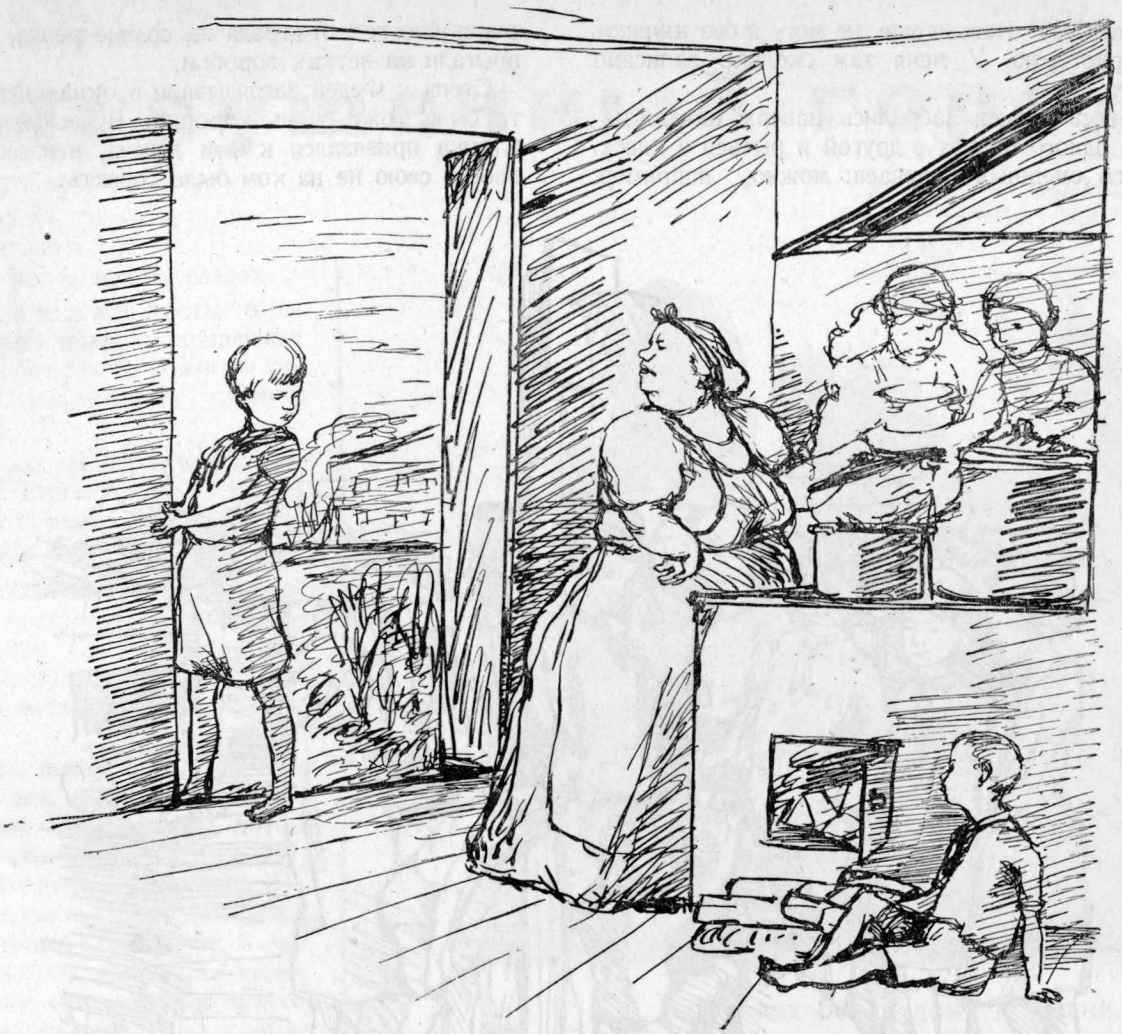
— Степа,—позвал он.—Ползи сюда. Он, брат, вовсе не дурак был, этот старикашка. Это такая, такая умница, такой замечательный генеральчик!..

— А что? Что такое?

— Нашлись наши миллионы! Все будет: и «Светлый город», и «Степан Зубков, строитель», и «Федор Савинков, строитель»—все, все как раньше. Даже больше еще. Мы ведь золотых вещей не считали, а они тут, с банками вместе!

— Да где, тут? Где ты их увидел?

— Эх, ты! До сих пор не догадался. Ты думаешь, для чего он оставил столько хлеба? Такой умный ста-



— Ишь какая явилась! Я пятнадцать лет у генерала служила, да мне никто не указывал, а тут...

ричок и вдруг все золото, все деньги увезет заграницу, а хлеб зачем-то спрячет. А если бы он песку насыпал сюда, ты бы наверное подумал, что он совсем спятил?

— А-а-а!—Степа тоже понял.—В хлеб запрятал. Вот это я понимаю, молодчина!

Степа два раза кувыркнулся, больно стукнулся головой о перегородку, но все-таки захохотал так, что в подвале дрогнул гулкий воздух:

— Хо! Хо! Хо!.. Теперь как мы их достанем оттуда?

— Ну, это уж пустяки. Сначала так попробуем, руками или ногами, а если не достанем, тогда придется весь хлеб выкинуть на пол.

Начали доставать золото. Пожалуй, это было еще труднее, чем добывать его в горах. Сначала они пробовали нырять в хлеб. Один раз Феде удалось всадиться головой до плеч. Он чуть не задохнулся. Хорошо, что Степа был рядом и вовремя услышал, как он судорожно дрыгает в темноте ногами.

Минут через двадцать они увидели, что и эта работа бессмысленна. Хлеба—озеро, как раз до половины стены. Шкафы—кубические: в каждой стороне куба—метра два. Ну-ка, попробуй, найди тут что-нибудь.

— Давай выкидывать.

— А чем? Если руками, так тут в три года на выкинешь. Мы ведь только в мертвый час можем.

Ребята было приуныли. Но теперь, когда «Светлый город» был уже—вот он, уныние долго длиться не могло. Федя предложил сказать о миллионах всему лагерю. Если сто человек возьмут лопаты, ведра, совки, то они в час раскопают. И, главное, не надо ни от кого прятаться. Но Степе этот план не понравился.

— Хочешь, чтобы все пропало, да? Ну, что интересного, если все будут знать? А так—они через двадцать дней уедут, тут никого не останется. Мы за зиму все выстроим потихоньку, всего навезем сюда, и никто не узнает. На будущее лето они сядут в моторку и все еще будут думать, что едут в старый лагерь. Подкатят—хлоп! Что такое? Куда мы попали? Наверно, ошибка, не туда заехали. И вдруг увидят огромнейшие буквы: «Светлый город». А тут и мы выбежим навстречу: «Сюда, сюда, ребята! Слезайте, приехали! Это все наше! Наш городок!»

Федя был стерт в порошок ослепительной картиной. Он больше не решался ничего предлагать. Выход, самый простой и мудрый, придумал Степа:

— Куда нам торопиться? Найдем какие-нибудь лопатки или просто доски и потихоньку будем откапывать. Не успеем до конца лагерей, приедем из города. Тогда еще лучше, никто мешать не будет.

Так и решили. Собрались уже уходить. Вдруг Федя схватился за пояс.

— Книжку потерял!

— Эх, а я спички не знаю, куда дел. Как же мы вылезем?

— Да вылезть-то, ладно, как-нибудь вылезем. А как

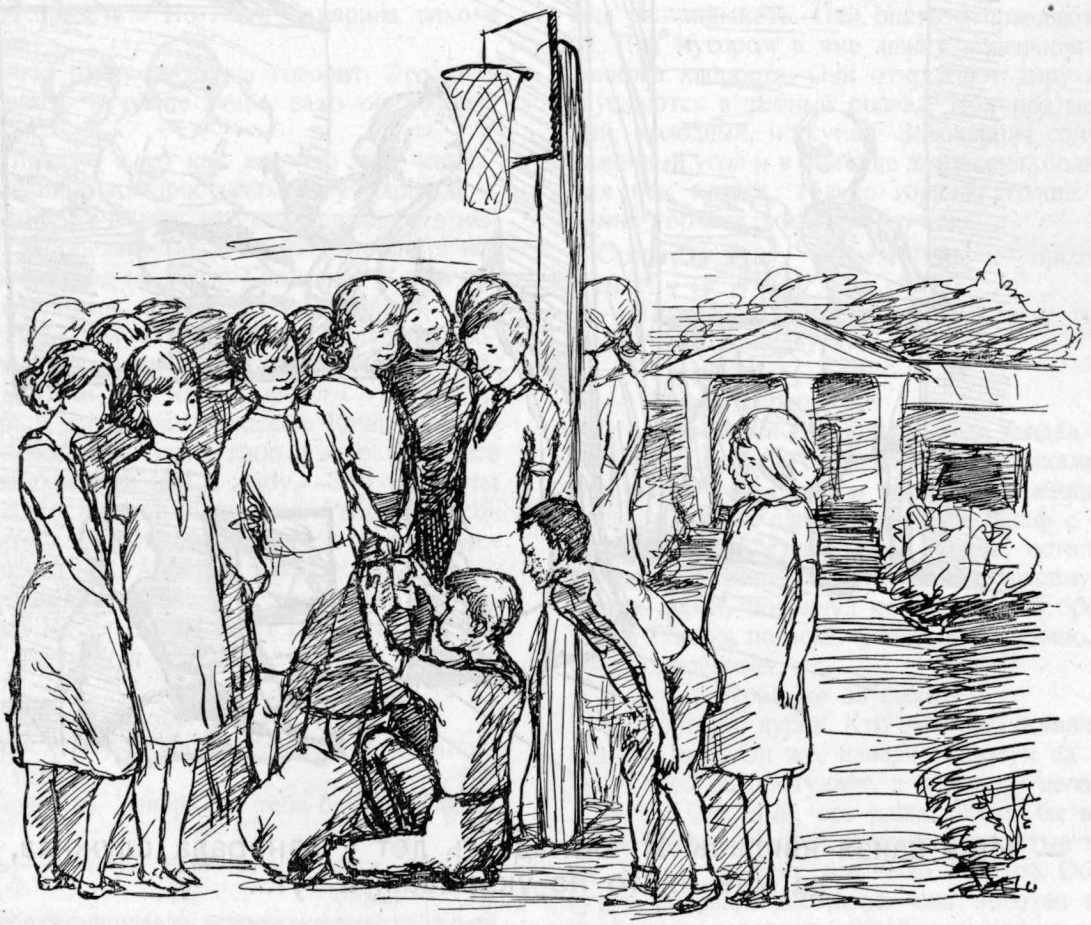
я без книжки буду? Нельзя мне, не могу я без книжки. Все мысли растеряю. У меня там сколько записано всего...

Облазили весь подвал. Забрались наверх, начали переходить из одного шкафа в другой и рыться в хлебе. Бывает много смешных случаев: можно, например, в мусорном ящике найти полтинник; можно в Москве встретить человека, которого не видел десять лет, но чтобы в таком количестве хлеба да еще в темноте найти маленькую коробку спичек... Хотя нет, видно, и это бывает: по крайней мере, Степа нашел: как только он залез в четвертый шкаф, хлеб потек к его ногам и вместе с хлебом зашуршала коробка.

А книжка так и пропала. Они сожгли все спички, пять раз обшарили все шкафы—никакого толку. Федя чуть не плакал. Он не хотел уходить из подвала. Степе пришлось минут пять расписывать ему про «Светлый город», пока он не примирился, наконец, с потерей.

Наверху, после подвальной тьмы, все было «очень»: очень блестела и играла на солнце речка, очень весело прыгали на ветках воробьи.

Степа с Федей заглядывали в окна—и спящие ребята были тоже очень хорошие. Чудесные ребята! Чего Степка привязался к ним давеча, неизвестно. Просто злость свою не на ком было сорвать.



Почти весь лагерь обступил Степу, ожидая интересного фокуса.

В комнате вожатых не спали. Там о чем-то спорили. Степа услышал свое имя. Это Костя ратовал за железную дисциплину. По его словам, выходило, что во всем виноват Степа. Виктор Павлович, наоборот, упрекал вожатых и прежде всего самого себя:

— Надо уметь работать, надо заинтересовывать, будить инициативу ребят. Тот же Степа Зубков: дайте ему настоящую цель, интересную и понятную,—так ведь он же гору своротит...

Степа и Федя на цыпочках отошли от окна.

— Это он правильно,—сказал Федя.—Вот мы теперь знаем, для чего стараться и...—он схватился за пояс, чтобы записать про цель, но вспомнил, что книжка потеряна.

(*Продолжение следует*)

□ □ □

Игрушечный город

А. НЕКРАСОВ

Город рос у нас на глазах.

Строились дома, мосты, башни, высокие арки, украшенные флагами. Откуда-то появился самолет и опустился на главной площади.

В городе не хватало только жителей. Строили город главный инженер Самохин и его помощник Якобсон.

— Чтобы построить дом, надо сначала построить фундамент,— сказал нам Самохин и очень быстро сделал фундамент. Вдруг он остановился и сломал фундамент.

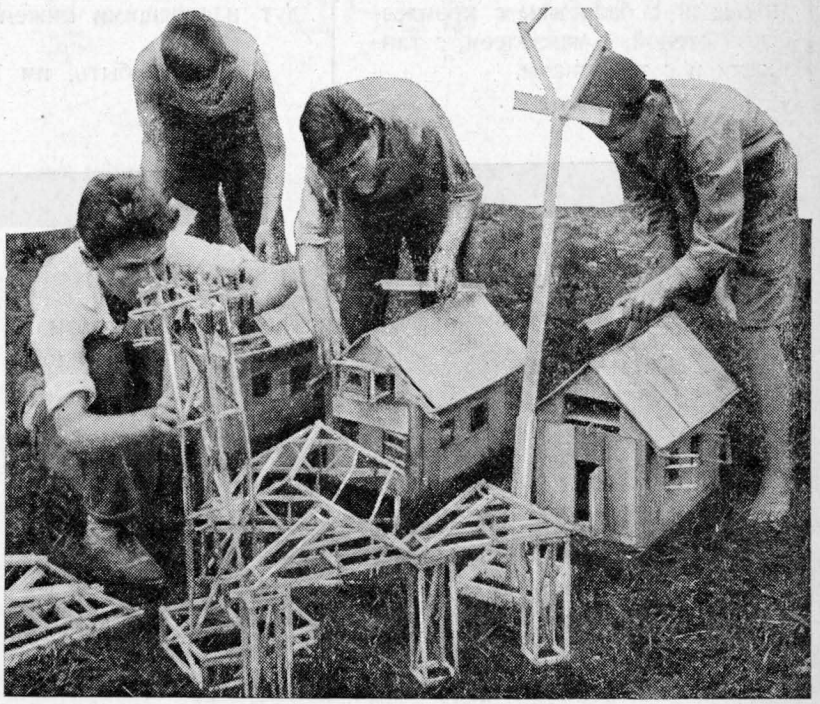
— Нет, неверно. Прежде чем строить дом, надо выбрать площадку для строительства, потом сделать план и составить смету, только тогда можно строить. Но опять же сначала надо запастись строительным материалом. Я это забыл, потому что в последнее время мне очень много приходится строить, но сейчас я покажу вам все по порядку.

— Вот это план,—и он развернул перед нами лист синей бумаги с рисунком, сделанным тонкими белыми черточками.

— Теперь смета,—сказал тов. Самохин, взял карандаш и стал считать.

— Балок для фундамента—четыре, угловых стоек — четыре, стропильных балок с каждой стороны по пяти—всего десять штук...

Площадку выбирайте любую,— предложил он нам, — а материал со склада нам отпустят по смете.



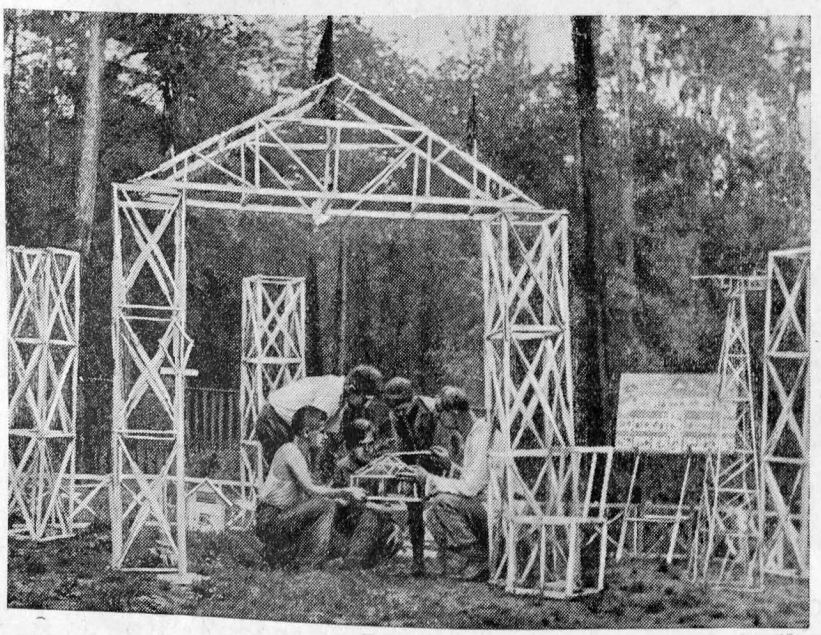
На глазах росли дома и башни.

За материалом пошел его помощник Якобсон. Он принес целую охапку деревяшек. Все они были одинаковой толщины и ширины, но одни были короче, а другие длиннее. Одни оканчивались с обеих сторон двузубыми вилками, другие—квадратными шпеньками, а третьи—с одной стороны шпеньком, а с другой вилкой. И вилки и шпеньки плотно подходили друг к другу.

А теперь начнем строить,— сказал Самохин. Он надевал вилочки на шпеньки, соединял вилочки между собой и цеплял по два шпенька на одну вилочку. Соединения держались прочно.

— Для большого строительства мы заранее конвейером заготовляем строительные детали,— продолжал тов. Самохин.—Работа на конвейере дает ребятам первые навыки в обращении с материалом, а потом они уже самостоятельно строят новые конструкции. Вот я, например, недавно построил самолет...

Самолет нам понравился, и мы его сняли. Но еще больше нам понравился сам Самохин. Ему всего 14 лет, а он работает как настоящий инженер.



Потом ребята выстроили большую арку—ворота в игрушечный город.

Но больше всего нам понравилась вся эта игрушка, которая называется «Деревоконструктор системы Валицкой и Китросского».

Из деревоконструктора можно сделать много интересных вещей. Недавно к приезду челюскинцев ребята сделали Красную площадь с башнями, с кремлевской стеной, с мавзолеем, с танками и с трибунами.

Каждый день можно выдумывать все новые и новые постройки.

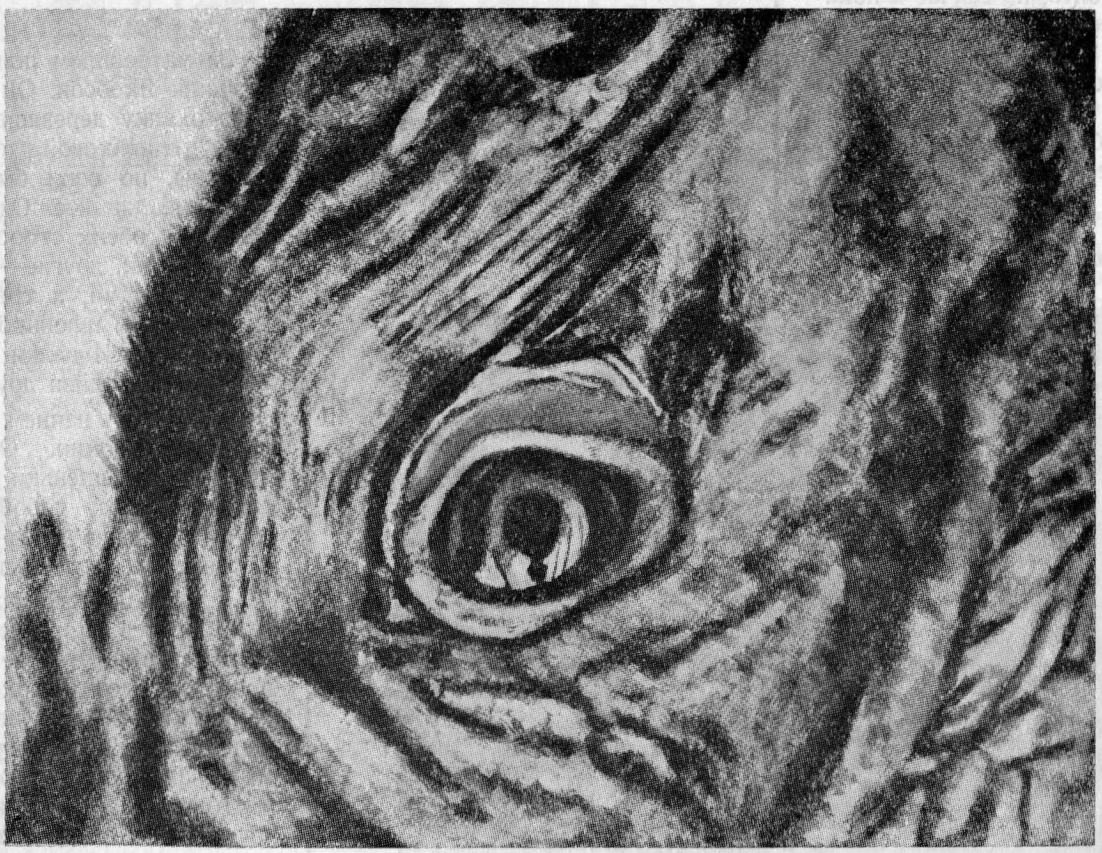
На детских площадках инженеры вроде Самохина вместе с другими ребятами строят города, башни и самолеты. Конечно, эти города и башни пока игрушечные, но ребята подрастут и будут настоящими инженерами.

И, может быть, им придется строить настоящие дома так же, как они строят игрушечные, потому кто уже теперь изобретатели этой интересной игры применили свой метод к постройке настоящих жилых домов.

Деревоконструктор скоро будет выпущен в большом количестве в продажу, и тогда все ребята Советского союза смогут сделаться маленькими строителями.

Игрушечный город выстроен из таких деревяшек.

ЗОРКИЙ ГЛАЗ



Зоркий ли он в самом деле? Кому он принадлежит: зверю, рыбе, птице? Какого роста приблизительно хозяин глаза? Что он видел, когда его снимали?

У кого зоркие глаза—шлите ответы в редакцию.

ПТИЧИЙ ДНЕВНИК

Мы начали вести дневник, но не простой. Мы хотели, чтобы в нашем дневнике писали сами звери, а мы бы читали.

Принесли мы корзинку речного песку, рассыпали на ровную лесную лужайку, разровняли, посыпали пшеном и ушли.

Кто напишет в нашем дневнике? Кто придет клевать наше пшено?

Мы вернулись через час, но песок был чист и не тронут как лист бумаги.

Пришли еще раз, уже попозже. Удача! Дневник был покрыт знаками, которые нужно было прочитать. Надпись была «на лесном, на птичьем языке».

Три следа большой лапы отпечатались на песке. Это был след вороны, но она не нашла себе подходящего угощения и, сделав три шага, улетела. При взлете вороньи крылья оставили метки на песке, по обе стороны следа.

Рядом с вороньими следами виднелись другие, поменьше, и третьи — следы совсем маленьких лапок будто вышивка крестиками на песке.

Тут побывали овсянка и маленькая синица.

СВИРЕПАЯ ЖУЖЕЛИЦА

Когда мы вернулись из леса, у нас были полные руки добычи: перья грача, сосновая кора, из'еденная короедом, и коробки с насекомыми. В коробках лежали бабочки-капустницы, луговой мотылек, пара шмелей, две долгоножки, похожих на огромного комара, тоненькая как ниточка лесная стрекоза, сверчок и черный жук— жужелица.

Сверчка мы посадили с жужелицей, потому что он хищник и мог погрызть бабочек.

Но когда мы открыли свои коробки, то не нашли сверчка. В коробке сидела одна жужелица и валялся какой-то сор, мы присмотрелись и увидели, что это лапки и голова сверчка. А самого сверчка с'ела жужелица. Она оказалась еще более свирепым и прожорливым хищником чем сверчок.

Коля Кореляков, Валя Рассказова, Вова Михайлов

ПОПРАВКА.

В № 17 — 18 журнала «ПИОНЕР», на стр. 12, по техническому недосмотру вкралась ошибка. В 19-й строке снизу следует читать: «Мы братья Томаса Мюнцера из Мюльхаузена...»

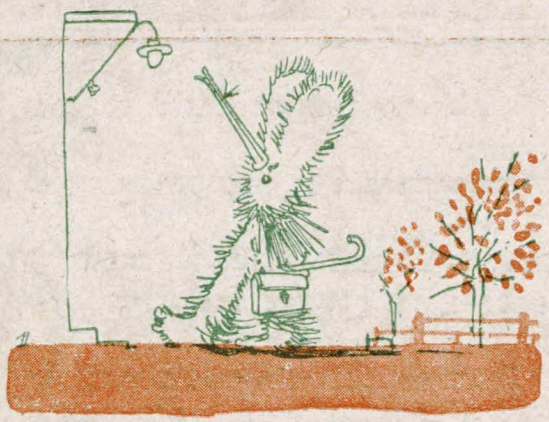
Цена 25 коп.

ТУТ-ИТАМ
на большой перемене

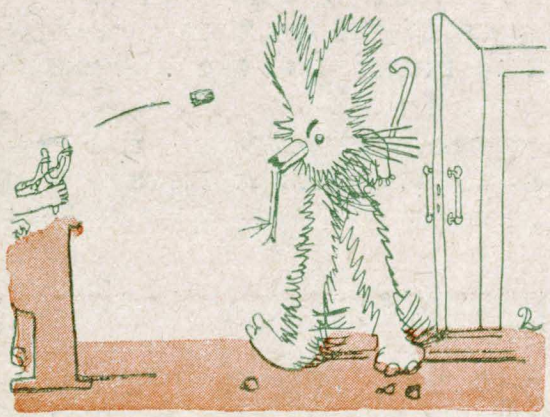
Тут-Итам получил письмо от деткора Миши Коржикова из 57-й школы:

„Ты смелый, зверептерикс Тут-Итам — писал Коржиков,— побывал бы ты у нас на большой перемене, это тебе не в „Артек" летать".

Задетый за живое, Тут, не теряя времени, пошел в школу № 57.



Тут-Итам шел радостный и бодрый в школу.



Не успел Тут войти в класс как ему перебили нос рогаткой.

— Пустяки, — сказал Тут, — этим меня не запугаешь... Я куплю гуммиарабик и дома приклею.

Он взял отбитую половину подмышку и пошел дальше.

Он не сделал двух шагов, как его оседлали и приспособили для игры в чехарду. Это развлечение стоило ему хвоста. С трудом разыскав его в углу, он двинулся в дальний путь.

— Чепуха,— сказал он.— Хвост можно пришить.

Но напрасно думал наш герой, что он отделается так легко. Он еще плохо знал, что такое большая перемена в школе № 57.

Какой-то хулиган подставил ему ножку и Тут-Итам набил себе огромную шишку на лбу.

— Ничего,— сказал Тут,— рассосется,— и перевязал ее наскоро носовым платком.

Группа неисправимых, увидев, что гость еще двигается, затеяла с ним драку. Чудесный мех Тут-Итама пушистыми клочьями полетел в воздух. Битва продолжалась в тумане.

— Ерунда, — подумал общипанный Тут-Итам,— еще сравнительно тепло, до зимы как-нибудь обрасту.

В редакцию его привезли санитары из Красного креста.

— Я с трудом узнаю тебя,— сказал редактор.— В тебе произошла огромная перемена.

— Не огромная,— сказал Тут-там,— а просто большая перемена и не во мне, а в школе № 57.

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда".

Сдано в набор 4/IX-34 г., подписано к печати 3/X-34 г. Изд. № 952 Формат 1⅓ 62×94 см 1½ б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—94821 Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 8. Заказ № 160 Тираж 50.000